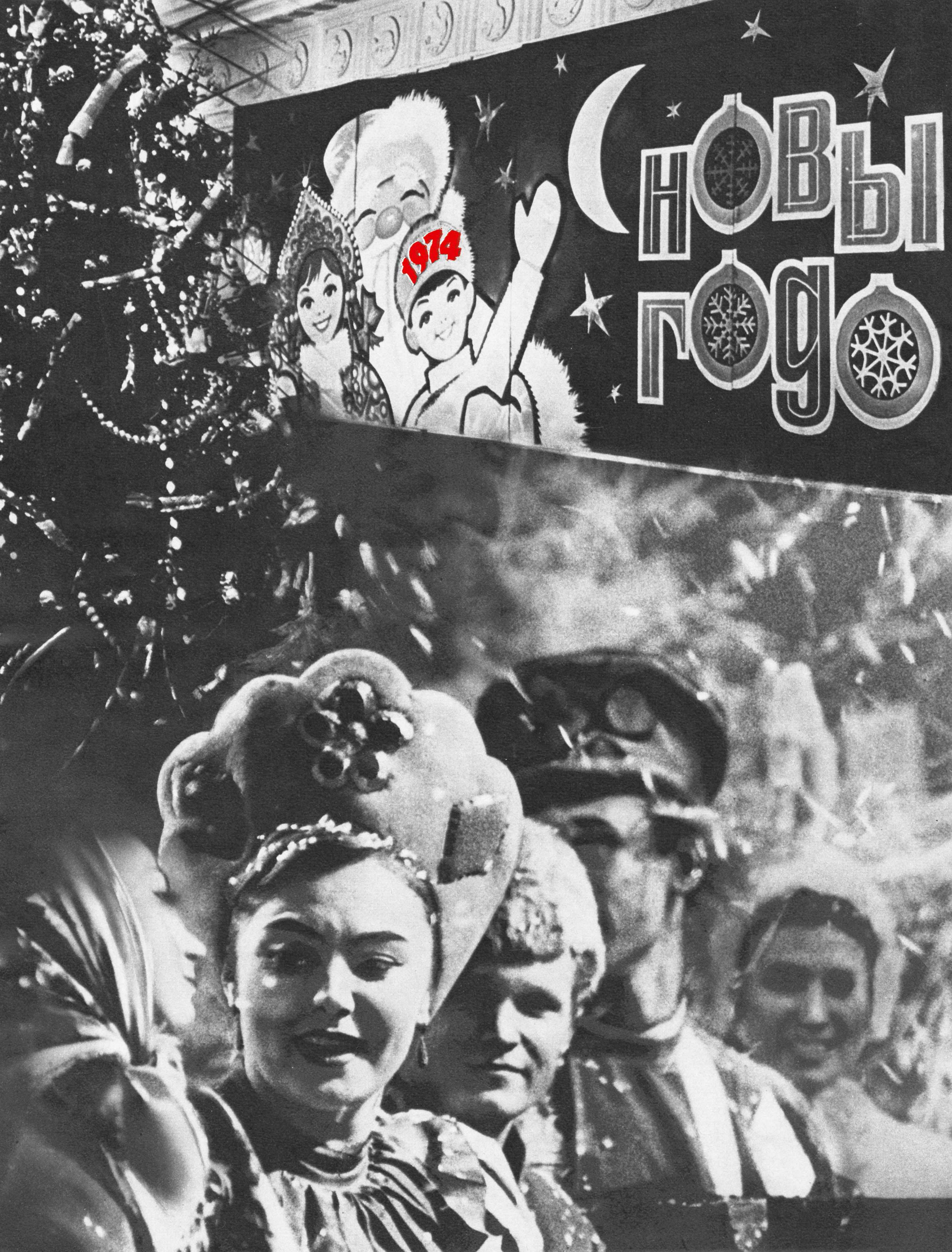
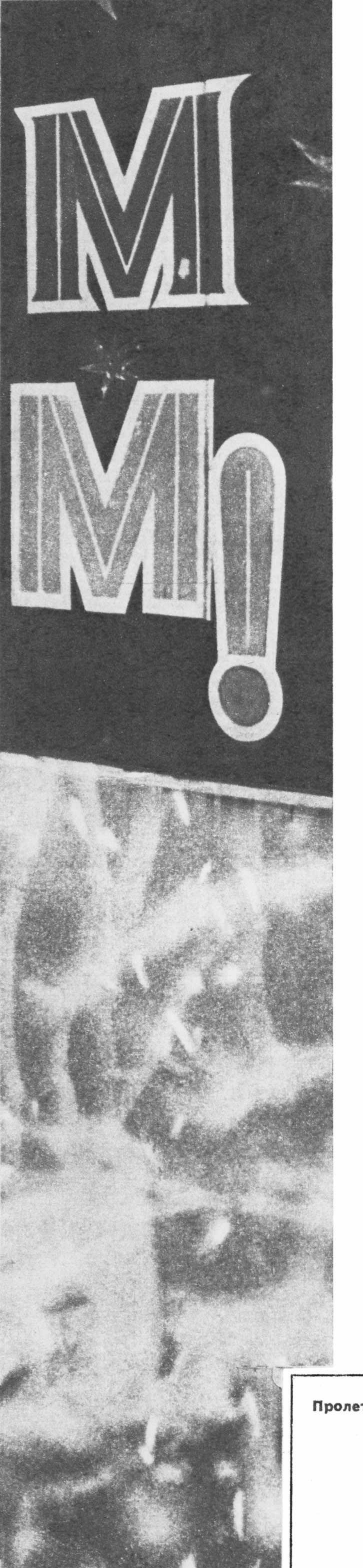

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 2 ЯНВАРЬ 1974

1974
НОВЫ

НОВОГОДНЕЕ ПОЗДРАВЛЕНИЕ СОВЕТСКОМУ НАРОДУ

ВЫСТУПЛЕНИЕ ТОВАРИЩА Л. И. БРЕЖНЕВА ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ И РАДИО

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 2 (2427)

5 ЯНВАРЯ 1974

Дорогие товарищи, друзья!

Снова мы с вами на рубеже двух лет. Через несколько минут Кремлевские куранты возвестят о том, что завершился 1973 год и наступил новый, 1974-й.

С чувством удовлетворения и гордости советские люди провожают 1973 год. Он принес немало хорошего. Это был год настоящего ударного труда всего нашего народа. Значительные успехи достигнуты на всех направлениях хозяйственного и культурного строительства.

А ведь год начинался нелегко: давали себя знать тяжелые последствия памятных всем нам стихийных бедствий предыдущего, 1972 года. Но советские люди — коммунисты и беспартийные — противопоставили трудностям свою организованность, самоотверженность и инициативу. По призыву партии в стране развернулось всенародное социалистическое соревнование. Огромную работу провели партийные организации и советские органы на местах, профсоюзы и комсомол. Вместе со всем народом держали они в этом году ответственный экзамен — **и выдержали его успешно**. Результаты всенародных усилий не заставили себя ждать.

Выполнены и перевыполнены планы промышленного производства. Индустриальную мощь страны умножили новые крупнейшие заводы и доменные печи, электростанции и транспортные магистрали.

Радует нас и победа тружеников сельского хозяйства. Такого

урожая зерна, хлопка и некоторых других культур, какой был собран в 1973 году, наши земли не знали никогда ранее.

Трудовые успехи сделали возможным дальнейшее повышение народного благосостояния. **А это партия считает своей главной задачей.** Отрадно, что для миллионов советских людей этот год был отмечен ростом заработной платы и пенсий, улучшением условий труда и быта. Более одиннадцати миллионов человек справили в 1973 году новоселье. Растет — и будет расти еще быстрее — производство товаров народного потребления.

Все это — плоды труда. В каждой тонне выплавленного металла, добытого угля, выращенного зерна и хлопка, в каждом построенном доме — частица опыта, ума и таланта трудолюбивого советского человека. Сегодня, в канун Нового года, мне приятно сердечно поздравить тысячи советских людей, награжденных в этом году орденами и медалями, удостоенных звания Героя Социалистического Труда.

Центральный Комитет партии и Советское правительство уверены, что и в новом, 1974 году, когда нам предстоит решать не менее сложные и ответственные задачи в развитии страны, советские люди, беззаветно преданные своей любимой Родине, вновь покажут пример коммунистического отношения к труду.

Товарищи! 1973 год ознаменовался также немалыми успехами в борьбе, которую наша партия и Советское государство совместно с братскими странами социализма ведут за упрочение мира на земле, за претворение в жизнь Программы мира, принятой XXIV съездом партии.

Прекращена, наконец, война во Вьетнаме. Меняется к лучшему политический климат в Европе. Еще крепче стали узы дружбы, связывающие нашу страну с братскими странами социализма и всеми миролюбивыми государствами. Активный вклад вносит наша страна в дело защиты законных прав арабских народов, подвергшихся агрессии со стороны Израиля, в дело утверждения прочного и справедливого мира на Ближнем Востоке.

Большое значение для разрядки международной напряженности имели переговоры и соглашения, заключенные Советским Союзом с Соединенными Штатами Америки и рядом других государств. С глубоким удовлетворением мы можем сказать: сегодня советские люди, как и другие народы мира, более чем когда-либо ощущают реальные плоды ленинской политики мирного сосуществования.

Мы ставим перед собой задачу закрепить и развить все то доброе, что возникло в наших взаимоотношениях со многими государствами. Мы по-прежнему будем добиваться развития процессов международной разрядки, наполнения их конкретным материальным содержанием. Вдохновляемые коммунистическими идеалами, мы будем и впредь отстаивать благородное дело мира и дружбы между народами со всей убежденностью, как самую насущную и жизненную потребность современной эпохи.

Конечно, потребуется еще много усилий, чтобы надежно обеспечить условия широкого мирного сотрудничества государств, дать отпор проискам агрессивных сил, интригам противников международной разрядки, которые пытаются использовать в своих целях существующие еще кое-где конфликтные ситуации. Но мы с оптимизмом смотрим в будущее, ибо с каждым годом крепнет мощь социализма, растет влияние поборников мира и реализма в политике, ибо политика мира отвечает надеждам и чаяниям всех народов.

Само собой разумеется, мы и в дальнейшем должны будем заботиться об укреплении обороны нашей Родины, безопасности всего социалистического содружества, действуя совместно с братскими странами.

В канун Нового года советские люди шлют братские приветствия и самые добрые пожелания трудящимся стран социализма, коммунистическим и рабочим партиям, всем отрядам международного рабочего движения. Мы шлем свои добрые пожелания всем народам, строящим новую жизнь, ведущим борьбу против империалистического и колониального гнета, всем, кто выступает против агрессии и угнетения, за мир и социальный прогресс.

Сейчас, когда завершается год, наполненный славными делами советских людей, отмеченный немалыми успехами в развитии нашей Родины, в борьбе за прочный мир и дружбу между народами, я мысленно вижу перед собой всех вас, дорогие соотечественники.

Вижу лица миллионов сынов и дочерей нашего героического рабочего класса, чьи умелые руки и высокая техническая квалификация приводят в движение могучую советскую индустрию — основу быстрорастущей экономической и оборонной мощи страны.

Вижу миллионы героев великой битвы за урожай этого года, замечательных хлеборобов, механизаторов, животноводов, хлопкоробов — всех людей, чей самоотверженный труд кормит и одевает советский народ.

Передо мной вдохновенные лица тысяч и тысяч наших талантливых ученых, мастеров советского искусства, миллионов тех представителей нашей чудесной интеллигенции, которые все свои силы, свой беззаветный труд отдают делу воспитания наших детей и молодежи, делу народного здоровья.

Отчетливо вижу перед собой и мужественных сынов советского народа, воинов Вооруженных Сил, которые в этот момент, выполняя высокий гражданский долг, стоят на страже безопасности Родины.

Ко всем вам, дорогие друзья, обращаюсь я от имени Центрального Комитета нашей ленинской партии, Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства со словами новогоднего привета и поздравления, с сердечной благодарностью за все то доброе, что было сделано вами в минувшем году, и с искренними пожеланиями еще больших трудовых успехов, здоровья и счастья в году грядущем.

С Новым годом, дорогие товарищи! С новым счастьем!

ВЫСОКАЯ НАГРАДА СТРАНЫ

Ашхабад. 25 декабря

ВРУЧЕНИЕ ТУРКМЕНСКОЙ ССР ОРДЕНА ДРУЖБЫ НАРОДОВ

Нурхаджи ДЕРЬЯКУЛИЕВ,
Герой Социалистического Труда, оператор нефтегазодобывающего управления «Лениннефть»

На совместное торжественное заседание Центрального Комитета Компартии Туркменистана и Верховного Совета республики, посвященное вручению Туркмении ордена Дружбы народов, собрались члены и кандидаты в члены ЦК КП Туркменистана, депутаты Верховного Совета СССР и Верховного Совета Туркменской ССР, руководители партийных, советских и общественных организаций, передовики промышленности и сельского хозяйства, деятели науки и культуры, воины Советской Армии, многочисленные гости.

Слово предоставляется члену Политбюро ЦК КПСС, председателю ВЦСПС А. Н. Шелепину.

От имени Центрального Комитета КПСС и лично Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР А. Н. Шелепин сердечно и горячо поздравил участников торжественного заседания и в их лице всех трудящихся Туркменской ССР с награждением орденом Дружбы народов, пожелал им новых успехов в борьбе за торжество коммунизма.

...Молода моя республика. В четвертом году пятилетки ей исполнится пятьдесят лет. Но то, что совершил за это время народ Туркменистана вместе с народами братских республик, достойно удивления. Сейчас Туркменистан — республика большой нефти, газа, химии, машиностроения, пищевой промышленности.

А Каракумский канал! Восемьсот пятьдесят километров рукотворной реки утолили жажду страдающей от безводья земли. И она щедро вознаградила тружеников полей. В этом году собран небывалый урожай хлопка — более миллиона тонн.

В ответ на высокую награду Родины мы обещаем работать еще лучше, приложить все силы и опыт, отдать всю энергию, чтобы внести достойный вклад в претворение в жизнь величественной программы коммунистического строительства, намеченной XXIV съездом нашей партии.

Об этом горячо говорил в своей ответной речи первый секретарь ЦК КП Туркменистана М. Г. Гапуров. От имени Центрального Комитета Коммунистической партии Туркменистана, Верховного Совета Туркменской ССР, правительства республики, от имени всех ее тружеников он выразил глубокую сердечную благодарность ленинскому Центральному Комитету КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР, Советскому правительству, лично Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Л. И. Брежневу за большое внимание и помощь в развитии Туркменской ССР.

Фото А. КОНЬКОВА и К. ХАЛЛЫЕВА (ТАСС).

В ЕДИНОМ

ТРУДИТЬСЯ, ОБГОНЯЯ ВРЕМЯ

Рига. 26 декабря

ВРУЧЕНИЕ ЛАТВИЙСКОЙ ССР ОРДЕНА ДРУЖБЫ НАРОДОВ

Алберт ИКАУНИЕК,
Герой Социалистического Труда, фрезеровщик Рижского вагоностроительного завода

Канун Нового года ознаменовался для нас большим радостным событием — Советской Латвии был вручен орден Дружбы народов, а нашей столице Риге — орден Ленина.

Совместное торжественное заседание Центрального Комитета Компартии Латвии и Верховного Совета Латвийской ССР с участием представителей общественных организаций, трудящихся республики и города Риги транслировалось по Центральному телевидению, и наш праздник стал праздником всей страны.

Высокие награды вручал нашей республике член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный. От имени Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, Президиума Верховного Совета СССР, Советского правительства он горячо и сердечно поздравил рижан, всех трудящихся Латвийской ССР с высокими наградами Родины.

— Мне приятно,— сказал Н. В. Подгорный,— также выполнить просьбу Генерального секретаря ЦК нашей партии товарища Л. И. Брежнева — передать славным труженикам Советской Латвии его сердечные поздравления и самые добрые пожелания.

Под аплодисменты участников торжественного заседания Н. В. Подгорный прикрепил ордена к знамени республики и к знамени столицы Латвии.

С ответной речью выступил первый секретарь ЦК КП Латвии А. Э. Восс. Он заверил Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Советское правительство в том, что коммунисты, все трудящиеся Советской Латвии в ответ на высокую оценку их труда будут с еще большей энергией претворять в жизнь политику нашей ленинской партии.

Для нас, рабочих, это значит — трудиться так, чтобы быть достойными своего времени, трудиться, обгоняя время. На нашем заводе построен электропоезд, развивающий скорость двести километров в час. Всего четыре часа потребуется ему, чтобы покрыть расстояние между Москвой и Ленинградом. Этот поезд олицетворяет для нас стремительный бег нашего времени. Коллектив нашего завода досрочно выполнил программу третьего, решающего года пятилетки и принял напряженный встречный план года четвертого. И я уверен, что мы с честью выполним планы девятой пятилетки. Порукой тому крепкая дружба и братская взаимопомощь всех народов Советского Союза.

Фото А. ГОСТЕВА.

СТРОЮ — К НОВЫМ ПОБЕДАМ

Фото А. ГОСТЕВА.

В ЕДИНОМ СТРОЮ — К НОВЫМ ПОБЕДАМ

СЛОВО УВАЖЕНИЯ И ЛЮБВИ

«Я хотел бы, чтобы мои книги помогали людям стать лучше, стать чище душой, пробуждали любовь к человеку, стремление активно бороться за идеалы гуманизма и прогресса человечества». Эти слова великого писателя нашего времени Михаила Александровича Шолохова открывают книгу, подготовленную коллективом журнала «Огонек» к 50-летию литературной и общественной деятельности писателя и только что выпущенную в издательстве «Правда».

Как бы в ответ на этот эпиграф девяносто авторов — советских и зарубежных писателей, литературоведов, партийных и общественных деятелей всесторонне и глубоко раскрывают на страницах книги чудесную силу и огромное влияние шолоховского творчества, высказывают свое отношение к писателю и его произведениям.

«Слово о Шолохове» — так называется этот сборник, и в нем сливаются идущие от сердца голоса советских литераторов всех поколений — Константина Федина, Николая Тихонова, Николая Грибачева, Сергея Воронина, Вадима Кожевникова, Анатолия Иванова, Юрия Бондарева, Петруся Бровки, Олеся Гончара, Эдуардаса Межелайтиса, Ираклия Абашидзе и многих, многих других.

Слово уважения и любви к Шолохову звучит в выступлениях Вальтера Ульбрихта и Джона Голлана, Джеймса Олдриджа и Мартти Ларни, Андре Вюрмсера и Джека Линдсея, Франтишека Кубки и Бранко Чопича и еще целого ряда наших зарубежных друзей.

Вышедшая под общей редакцией А. Софронова и составленная М. Андриасовым книга «Слово о Шолохове» включает в себя очерки, статьи, исследования, рассказы о встречах с писателем и иллюстрирована большим количеством фотографий.

Таллин. 27 декабря

ВРУЧЕНИЕ ЭСТОНСКОЙ ССР ОРДЕНА ДРУЖБЫ НАРОДОВ

КАЖДОМУ ТАЛЛИНЦУ, КАЖДОМУ ЭСТОНЦУ

Антс САAP, писатель

В тот день в Таллине светило солнце, засияли окна новых домов, засверкали красные крыши старинных башен. Вся республика в праздничном убранстве. А вечером в концертном зале «Эстония» собрались лучшие люди и засверкали тысячи орденов. Два из них были самыми дорогими для нас, потому что они принадлежали каждому таллинцу, каждому эстонцу. Член Политбюро ЦК КПСС, председатель Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР Юрий Владимирович Андропов прикрепил к знамени республики орден Дружбы народов, а к знамени Таллина — орден Ленина.

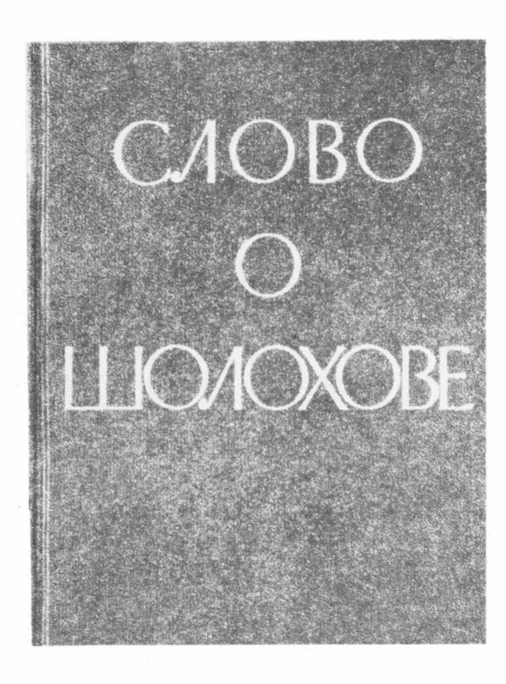
В своем выступлении Ю. В. Андропов рассказал об успехах республики в развитии народного хозяйства и культуры.

В зале сидели творцы этих успехов.

Сейчас Эстония за десять дней производит столько же продукции, сколько в годы буржуазной власти за целый год. На селе у нас работает вдвое меньше людей, чем тогда. А сельскохозяйственной продукции производится в полтора раза больше.

В ответной речи первый секретарь ЦК КП Эстонии И. Г. Кэбин поблагодарил за высокую награду и заверил партию и правительство в том, что трудящиеся республики и впредь будут свято хранить и укреплять ленинскую дружбу народов, высоко нести знамя патриотизма и социалистического интернационализма.

...Нас, эстонцев, порой считают замкнутыми и сдержанными. В день вручения орденов, когда весь зал вместе с хором пел «Широка страна моя родная», у многих блестели глаза, а кое-кто потом отходил в уголок и вытирал слезы. Более чем за тридцать лет жизни в братской семье советских республик мой народ, когда-то действительно замкнутый и озабоченный, стал эмоциональным, счастливым, поющим.

В ДОБРЫЙ ПУТЬ, ЖЕНЕВА!

Николай ПАСТУХОВ

Во время недавнего визита в Индию, выступая перед депутатами парламента этой страны, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев говорил: «Сейчас главная задача состоит в том, чтобы в ходе предстоящих переговоров добиться, наконец, прочного мирного урегулирования на Ближнем Востоке».

Это было, как убедительно подтверждает жизнь, не просто пожелание, а реалистически обоснованный вывод, учитывающий важные положительные перемены, которые произошли в современных международных отношениях. Ведь еще совсем недавно в мире существовали проблемы, настолько острые, к которым, казалось, невозможно было и подступиться. Тем не менее война во Вьетнаме прекращена, урегулированы многие послевоенные проблемы в Европе, произошло улучшение отношений между СССР и США.

Октябрьские события прошлого года показали, во-первых, неубедительность израильской доктрины «военного превосходства» и, во-вторых, способность арабских народов давать достойный отпор агрессору на театре военных действий, укреплять единство и сплоченность своих рядов и умело использовать экономические рычаги в борьбе против империализма. И, наконец, третий фактор: ныне за справедливое решение ближневосточной проблемы выступают не только социалистическое содружество и страны «третьего мира», но и большинство крупных капиталистических государств.

Важную роль во время октябрьских событий прошлого года сыграла инициатива Советского Союза и Соединенных Штатов Америки, нашедшая выражение в известных резолюциях Совета Безопасности ООН. Совершенно очевидно, что в нынешней международной обстановке ближневосточный конфликт, хотя военные действия прекращены, выглядит недопустимой аномалией.

И поэтому начало работы Женевской конференции является вполне логическим событием. Уже сам факт созыва конференции говорит о многом, и прежде всего о том, что одна из самых острых международных проблем современности решается за столом переговоров, а не на поле брани.

Мировая общественность высоко оценивает тот важный вклад, который вносит Советский Союз как на протяжении всего существования ближневосточного конфликта, так и на самой Женевской конференции.

«Народы Ближнего Востока, да и во всем мире, — заявил в Женеве член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, — ожидают практических мер, направленных на обеспечение устойчивого мирного урегулирования в этом районе. Советский Союз будет делать все, что от него зависит, чтобы работа конференции пошла именно в этом направлении, чтобы она носила деловой и конструктивный характер».

В создании нормальной обстановки на Ближнем Востоке важную роль играет растущее, всеобъемлющее советско-арабское сотрудничество, что сегодня единодушно и с благодарностью признается лидерами и широкими кругами общественности стран Арабского Востока. Последнее совещание глав арабских государств в Алжире «с глубоким удовлетворением», как сказано в его заявлении, отметило «политическую и военную поддержку Советского Союза и других социалистических государств, а также их экономическое сотрудничество с арабскими странами».

Вместе с тем, хотя Израиль и принял участие в Женевской конференции, еще многое следует учесть тем кругам в Тель-Авиве, которые определяют направления внешней политики своей страны. До сих пор над Синаем и Голанскими высотами пахнет пороховой гарью, продолжаются провокации Израиля вдоль линии прекращения огня. Сионистская печать, действующая вкупе с пекинской пропагандой, пытается нагнетать напряженность вокруг ближневосточного конфликта. Все это, естественно, не может содействовать достижению столь долгожданного политического урегулирования на Ближнем Востоке.

Сионистская пропаганда в качестве чуть ли не главного аргумента в пользу оккупации чужих территорий выдвигает тезис, будто Израилю отказывают в праве на существование. Этот аргумент не выдерживает критики, так как такое право было признано за Израилем самим фактом создания этого государства по решению Организации Объединенных Наций. Что же касается изоляции, в какую попал Израиль на международной арене, всеобщего осуждения действий Тель-Авива, то это объясняется прежде всего его собственной безрассудной политикой агрессии, захвата чужих территорий, грубых нарушений норм международного права и полного игнорирования решений Совета Безопасности ООН. «Положение может измениться, — как справедливо заметил товарищ А. А. Громыко в своей женевской речи, — тогда, когда Израиль делом подтвердит готовность к честному и взаимоприемлемому урегулированию».

Первый этап Женевской конференции на уровне министров иностранных дел завершился на исходе прошлого года. Создана рабочая группа по вопросам разъединения войск в районе, где проходили военные действия.

Что ж, Новый год начинается с конкретных дел и первых шагов по пути к миру на Ближнем Востоке. Впереди встреча послов стран — участниц Женевской конференции и новое совещание на уровне министров иностранных дел, когда этого потребует развитие событий.

В добрый путь, Женева!

Встреча Петра Климука и Валентина Лебедева в Звездном городке.
Фото А. Пушкарева (ТАСС).

ЗДРАВСТВУЙ, ЗЕМЛЯ, ЗДРАВСТВУЙ, ЗВЕЗДНЫЙ!

А. РОМАНОВ

Каждый раз, переступая порог Звездного городка, испытываешь необъяснимое волнение. И чем дальше в прошлое уходит первая встреча с ним, тем отчетливее встает в памяти все, что связано с дерзкими людьми, открывшими человечеству путь в неизведанные миры.

Вот и сейчас, спеша на встречу с экипажем корабля «Союз-13», невольно задерживаемся возле пилона с мозаичным портретом Ленина. Он как бы открывает гранитный мемориал. На нем — имена героев первого десятилетия пилотируемых космических полетов. И первым — имя, ставшее легендарным, имя Юрия Алексеевича Гагарина — коммуниста, гражданина Советского Союза, гражданина Вселенной.

Недалеко отсюда, в молодом заснеженном парке, овеваемом ветрами, стоит Гагарин. Кажется, он на минуту остановился, ожидая друзей.

Незадолго перед отлетом на Байконур пришли сюда два человека: один в военном — майор Петр Климук, другой в штатском — инженер Валентин Лебедев.

«Все будет в порядке,— мысленно доложил космонавту-один космонавт-двадцать восемь: до встречи!»

Потом было собрание коммунистов Центра подготовки космонавтов. Такова традиция звездоградцев — перед стартом заслушивать рапорт экипажа о готовности к полету. И еще одна встреча с Гагариным, в его рабочем кабинете, любовно сохраненном на века и ставшем частью музея космонавтики. Короткая запись в книге посетителей. В последнее время здесь появились автографы и американских астронавтов—участников предстоящего совместного советско-американского эксперимента по программе «Союз» — «Аполлон». Они полны глубокого уважения к Советской стране, ее славному сыну — Юрию Гагарину. Вот одна из записей: «Мы надолго запомнили оказанное нам гостеприимство и дружеский прием. Каждый из нас будет стремиться продолжить дело, начатое Юрием Гагариным».

Юрий Гагарин, отвечая как-то на вопросы молодежи о том, как стать космонавтом, с присущим ему остроумием сказал:

— По лестнице жизни надо сделать три шага вверх. Первая ступень — увлечься небом. Вторая — заболеть космосом. И третья ступень — слетать в космическое пространство. Вот тогда и получишь высокое звание — летчик-космонавт СССР.

О трех гагаринских ступеньках экипажа корабля «Союз-13» рассказали нам командир корабля Петр Ильич Климук и бортинженер Валентин Витальевич Лебедев.

Ступенька первая

ПЕТР КЛИМУК:

— Недалеко от школы, где я учился, как-то совершил вынужденную посадку самолет. Из самолета вышел летчик. Минуту он молчал, разглядывая ораву мальчишек и девчонок, собравшихся в отдалении, потом улыбнулся: «Ну, что, нравится? Подходите ближе, смотрите».

Вот с этого эпизода все и началось. На второй день мы с ребятами уже играли в летчиков, а наши школьные тетради пестрели рисунками самолетов. Потом мы «конструировали» их из бумаги. А поглядывая в небесную голубизну, я уже видел себя в кабине самолета.

Мысль стать летчиком постепенно вытеснила прежние детские увлечения. То ли мать заметила, то ли отчим Михаил Васильевич Морозов, но в доме стали чаще появляться книги об авиаторах. С увлечением читал о Чкалове, прославленных героях Отечественной войны Покрышкине, Кожедубе. Не предполагал, что судьба сведет меня с Иваном Никитовичем через двадцать лет в Звездном. Он приезжал к нам в городок, чтобы вручить космонавтам и специалистам медали имени академика Королева и дипломы Юрия Гагарина.

Перед окончанием десятилетки я сказал матери, что хочу стать летчиком. Мать ожидала этого решения.

— Тебе жить, сам решай, — ответила Марфа Павловна.

— Мужская работа,— поддержал отчим.— Соображает быстро, мастерить любит. Математика дается. Инженер тоже неплохой выйдет. — Секунду помолчал и, как бы раздумывая вслух, добавил:— Хорошо, когда дело тебе по душе.

Отец мой, Илья Федорович, до войны был заместителем председателя местного колхоза «Советский пограничник». Когда в Брестщину ворвались гитлеровцы, он ушел в партизанский отряд. Отец сложил голову в бою за освобождение от фашистов польской земли. Могила его возле города Радома. Мать осталась одна с тремя детьми на руках. Время тяжелое. Но жизнь есть жизнь. Рядом с нами оказался хороший человек Михаил Васильевич. Стал нам вместо родного...

ВАЛЕНТИН ЛЕБЕДЕВ:

— Все думали, что я стану танкистом. Детство прошло среди грохота грозных машин. Отец, Виталий Владимирович, по званию подполковник, последние годы служил в знаменитой Кантемировской дивизии. Школу я заканчивал в военном городке.

Романтика — могучая сила, тем более когда тебе всего-навсего семнадцать. Она позвала меня в небо. Сначала учился в Оренбургском авиационном училище. Потом поступил в Московский авиационный институт, на факультет летательных аппаратов. Отрекся от неба? Нет. Решил делать все одновременно — учиться строить самолеты и учиться летать на них. Спасибо моим педагогам по институту и инструкторам аэроклубов.

Нелегко было делить любовь между МАИ и авиационным спортом. Аэроклубы Коломны и Тушина, Серпухова и Владимира стали моими воздушными академиями. Начинал с планера. Потом «ЯК-18» всех модификаций и, наконец, реактивный «Л-29».

Ступенька вторая

ПЕТР КЛИМУК:

— Мне исполнилось только пятнадцать, когда стартовал первый искусственный спутник Земли. Потом полетели аппараты в сторону Луны. И вдруг корабль «Восток»! Помню, мы, курсанты Черниговского высшего военного авиационного училища, вели практические занятия по радиооборудованию. Настроились на волну. И эфир нам принес ошеломляющее известие— в космосе Юрий Гагарин. Что творилось! 108 космических минут потрясли всех нас. Самолеты, на которых мы учились летать, показались нам уходящими в прошлое. Какой он, «Восток»? Никто не представлял. Но летал-то на нем наш брат — летчик. Значит, думали мы, самолет и космический корабль вроде бы братья.

Думал ли я тогда, двенадцать лет назад, что стану космонавтом? Не думал. Но хотел. Желание испытать себя в новом деле становилось все более горячим. Нет, я не писал рапорта с просьбой зачислить в отряд. От этого меня удерживала одна трезвая мысль: готов ли я, оправдаю ли надежды тех, кто пошлет меня в космос?

А тем временем космическая эра вступала в свои права. Герман Титов совершил суточный полет. Андриян Николаев и Павел Попович — первый групповой. Рекордное время по тем временам — пять суток — провел на орбите вокруг Земли Валерий Быковский. Совершила космический подвиг первая женщина — Валентина Терешкова. Мы, летчики, радовались, по-доброму завидовали первооткрывателям Вселенной. Людей нашей профессии, может, острее, чем других, всегда привлекала новая техника. А тут полетели уже экипажи — летчик-инженер Владимир Комаров, ученый Константин Феоктистов, врач Борис Егоров. Стало окончательно ясно — человечество твердо решило шагнуть с одного этажа на другой, с неба в космос.

Полетом корабля «Восход-2» с Павлом Беляевым и Алексеем Леоновым на борту начался новый этап освоения космоса. Это было в 1965 году. Этот год оказался для меня счастливым. Состоялся новый набор летчиков в отряд космонавтов. Так я оказался в Звездном городке.

ВАЛЕНТИН ЛЕБЕДЕВ:

— Сообщение ТАСС о полете Юрия Гагарина застало меня в должности слесаря-сборщика на одном из предприятий. Проходил производственную практику. Человек я, по мнению врачей, очень эмоциональный, и потому 12 апреля 1961 года твердо решил: космос для меня. Теперь цель моей жизни определилась предельно четко. И достижению этой цели я подчинил все.

Написал письмо Юрию Алексеевичу. Оно было кратким — просил зачислить меня в группу космонавтов, в конце концов на любую работу, связанную с полетами в космос. Получил ответ. На нем стоял шестизначный регистрационный номер. Оказывается, я не один. Друзья посмеивались: «Твоя очередь лететь в космос дойдет не раньше чем через сто лет». «Тем лучше,— отшучивался я,— стану к тому же еще и долгожителем».

— Значит, окончательно «заболел» космосом? — как-то спросил меня наш преподаватель Александр Григорьевич Осипенко.— Ну что же, это хорошо. Только забрасывать авиацию не советую. Незаметно потеряешь многое. Для испытателей космической техники все это может пригодиться.

Окончив институт в 1966 году, я оказался еще в одной академии— конструкторском бюро, которым многие годы руководил академик Сергей Павлович Королев. Здесь все было пронизано духом его научных и технических идей. На стапелях уже стоял новый корабль — «Союз». Я был бесконечно счастлив, что попал в коллектив, где рождается космическая техника. К тому времени слетал в космическое пространство инженер, ныне профессор Константин Петрович Феоктистов. Он открыл дорогу в космос представителям и нашего профиля. Теперь в списке летавших инженеров — Алексей Елисеев, Валерий Кубасов, Владислав Волков, Виталий Севастьянов, Николай Рукавишников, Виктор Пацаев, Олег Макаров.

Чем я занимался все шесть лет до старта? Участвовал в разработке новых систем космических кораблей, позднее вместе с другими работал над подготовкой бортовой документации для космонавтов. Это помогло мне изучить системы «Союза». Готовил к полету корабли, а затем с так называемой поисковой группой занимался их эвакуацией.

В 1972 году я стал жителем Звездного городка, вышел на финишную прямую к осуществлению свой цели в жизни. Поймите правильно — не просто ради полета, не ради себя. Нет, это было бы слишком мелко, — во имя науки, во имя неутолимой жажды познания неизведанного.

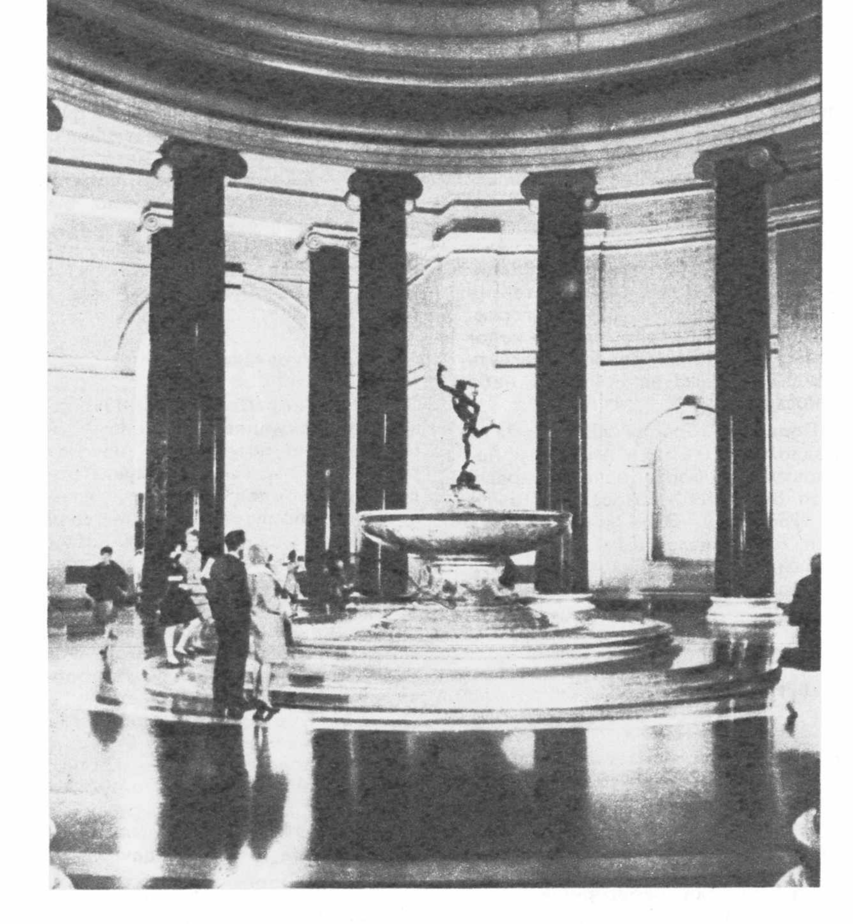
Ступенька третья

Экипаж корабля «Союз-13» закончил восьмидневный полет. Теперь можно подвести и некоторые его итоги. Петр Климук и Валентин Лебедев провели комплексную проверку и испытания бортовых систем корабля. Этим продолжена работа, начатая Василием Лазаревым и Олегом Макаровым на «Союзе-12». Ведь от полета к полету идет совершенствование летательных аппаратов. Эти же цели преследовала и отработка процессов ручного и автоматического управления кораблем. Огромное значение для будущих дальних полетов, как известно, имеет умение вести автономную навигацию в различных режимах полета. Поэтому в программу полета входила и такая задача.

«Союз-13» получил образное название «космическая обсерватория». Это справедливо. На борту его действовала система телескопов «Орион-2». Вынесенный за пределы атмосферы, подобный телескоп может спектрографировать в ультрафиолетовом диапазоне звезды до десятой величины. Созданный советскими учеными, он является сложным прибором, в котором взаимодействуют оптические, электронные, электрические и механические системы. С его помощью экипаж провел спектрографирование звезд, начатое на долговременной орбитальной станции «Салют». Исследуя таким методом звезды, ученые получают ценную информацию об их зарождении, формировании и эволюции. Одновременно шло и спектрографирование природных образований на поверхности Земли, то есть исследовалась природная среда нашей планеты в интересах науки и в интересах народного хозяйства. Изучение дневного и сумеречного горизонтов также входило в программу полета, так как имеет важное значение для понимания процессов, формирующих погоду.

Осуществлены эксперименты, связанные с изучением кровообращения головного мозга в состоянии невесомости. Интерес представляет опыт с микроорганизмами, проведенный в «Оазисе-2» — биологической системе для исследования процессов регенерации в замкнутом пространстве. Это также продолжение опытов, начатых на «Салюте». Дело в том, что при организации дальних полетов, тем более межпланетных, нельзя взять с Земли на весь путь достаточное количество пищи, воды, воздуха и т. д. Еще в большем количестве все это потребуется людям, осваивающим планеты. Вот почему ученые разрабатывают специальные экологические системы, благодаря которым все необходимое для жизни производилось бы на борту самого корабля или на безжизненной планете.

...Гагаринская трасса в космос приумножена. Она достойный вклад советских ученых, конструкторов, космонавтов, инженеров, техников и рабочих в выполнение плана девятой пятилетки.

В. НИКОЛАЕВ,
специальный корреспондент «Огонька»

МРАМОРНАЯ ГАЛЕРЕЯ

Американцы любят музеи, ценят, уважают и берегут памятники старины. Это одна из хороших отличительных черт нации. Любят, может быть, и потому, что сам по себе американский народ еще очень молод, история его сравнительно коротка. А юноше всегда хочется казаться старше своих лет. Древние городки-музеи на открытом воздухе, диковинные коллекции старой техники, всевозможные, если так можно выразиться, отраслевые собрания (оружия, древних книг, старинной мебели и т. п.), бывший линейный корабль — ныне музей и, наконец, бесчисленные художественные галереи — все это прочно вошло в пеструю картину американской жизни.

Обилие музеев определяется и другой хорошей чертой американцев — их неистребимой любознательностью. Есть и еще одна немаловажная причина, объясняющая столь большое, на мой взгляд, количество музейных центров: налоги с капитала в США весьма высоки, а вот те деньги, которые вкладываются частными лицами в развитие культуры, налогообложению не подлежат. Короче говоря, те, у кого деньги есть, могут пожертвовать солидный куш, скажем, на музей и тем самым значительно уменьшить свою прибыль, а значит, и сумму налога с нее. Результаты такой расчетливой финансовой политики государства налицо. Пример тому — Национальная галерея в Вашингтоне. Начало ей положил один из крупнейших деловых людей Америки, миллионер Эндрю Меллон, подарив государству свою обширную коллекцию живописи и скульптуры, в которую входили работы выдающихся мастеров XIII — XIX веков.

Но прежде чем перейти к этим шедеврам, необходимо хоть немного сказать о самом здании, где они хранятся. Оно расположено на Шестой улице, в самом достопримечательном районе американской столицы, примерно на полпути от Капитолия до монумента Вашингтону. Здание галереи, одно из лучших в городе, построено в 1941 году, также на деньги уже упомянутого нами Э. Меллона. Оно является самым большим в мире строением из мрамора, его длина по фасаду превышает двести метров. Величавые колонны были вывезены из Италии, из разных мест США в Вашингтон доставили бело-розовый, зеленый и серый мрамор. Во всем огромном здании поддерживается искусственный климат, поступающий в него воздух проходит через очистительные фильтры, в самой галерее созданы сады и цветники.

Не может не производить впечатления и та громадная работа, которую проводит большой штат научных сотрудников музея. Это не только забота о вверенных им сокровищах и о пополнении коллекции, но и пропаганда изобразительного искусства.

Сотрудники галереи, с которыми мы общались, особо подчеркивали именно эту сторону своей деятельности, рассказывали о том, как шедевры галереи путешествуют по Америке и по всему миру, как в музее регулярно устраиваются тематические выставки, как организуются лекции не только для специалистов и студентов, но и для всех желающих. Эти усилия оказываются не напрасными. Первое, на что обращаешь внимание при входе в галерею, это большое количество посетителей. В США есть немало музеев, где собраны работы всякого рода абстракционистов. В них посетителей почти не встретишь, не то что в Национальной галерее в Вашингтоне.

Мы были очень любезно приняты сотрудниками галереи. Без всяких промедлений они разрешили нам то, что у них строго-настрого запрещено: снимать картины для последующего репродуцирования. Для массового советского журнала «Огонек» было сделано исключение. В разговоре с нами они с большим удовлетворением говорили о налаживающихся связях с нашими картинными галереями и советскими искусствоведами. И здесь, в этом мраморном храме искусства, мы встретились с тем же искренним желанием американцев сотрудничать с нами, которое мы ощущали всюду во время нашей поездки по США.

Шедевры галереи размещены на двух ее этажах. Картины и скульптуры выдающихся мастеров, начиная с эпохи раннего Ренессанса, дают представление о живописи итальянской, голландской, немецкой, испанской, французской, английской, американской... В этом уникальном собрании — работы Рафаэля, Леонардо да Винчи, Тинторетто, Боттичелли, Рубенса, Рембрандта, Тициана, Вермеера, Ван Дейка, Эль Греко, Гойи, Ван Гога, Ренуара, Гогена, Дега, Мане, Моне, Сезанна, Пикассо...

И едва ли найдется где-нибудь такое собрание работ американских художников, как в этой галерее. В Америке живопись достигла своего расцвета в конце XVIII — начале XIX века. Крупнейшие мастера этого периода представлены в галерее их лучшими работами. Это выдающийся реалистический портретист Г. Стюарт, автор известных портретов Дж. Вашингтона и других деятелей времен войны за независимость, это Дж. Трамбалл, прославившийся портретными миниатюрами своих современников и историческими картинами на темы освободительной борьбы. Представлены в галерее и оба непосредственных предшественника этих живописцев, Дж. Копли, Б. Уэст, которые в своих ранних работах тоже были крупнейшими портретистами. Кстати, у Б. Уэста училось большинство американских художников того периода. Важной вехой в становлении американской живописи стало создание в Филадельфии в 1805 году Академии художеств.

С особым интересом я всматривался в работы американских мастеров второй половины прошлого века. Может быть, это — мое сугубо личное восприятие, но на меня повеяло от них чем-то родным, душевно близким. В таких картинах, как «Ветер крепчает», «Охотник и гончая» У. Гомера, крупнейшего американского реалиста XIX века, и других работах того же периода видишь знакомый, уверенный почерк подлинных мастеров подлинного искусства, имя которому — реализм. И еще и еще раз я ощущал при этом, как много общего существует в искусстве двух великих народов — американского и советского. И повторяю: обилие посетителей в Национальной галерее убеждает в том, что при всей сложности и пестроте современной американской жизни временные, преходящие веяния не в силах умалить славы и победоносного развития реалистического искусства.

Вашингтон.

* См. «Огонек» №№ 40, 43, 46, 48, 52 за 1973 год.

Рафаэль. 1483—1520. БИНДО АЛЬТОВИТИ (1515).

Национальная галерея искусств. Вашингтон.

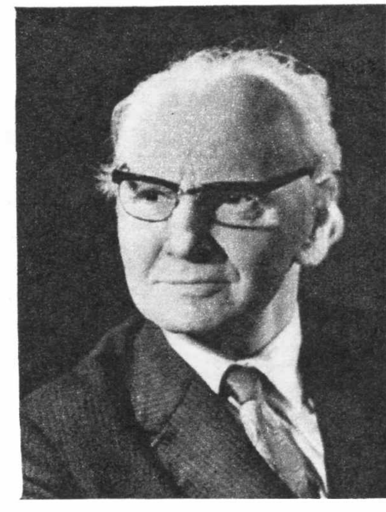
Эль Греко. 1541—1614.
СВЯТОЙ МАРТИН
И НИЩИЙ (1597—99).

Национальная галерея искусств. Вашингтон.

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ СТЕПАНА ЩИПАЧЕВА

ЛИНИЯ ЖИЗНИ

Лев ОЗЕРОВ

У Степана Щипачева есть пронзительные строки, посвященные матери. Ветер, вешние воды сровняли с землей бугорок ее могилы, «словно не было на свете русской женщины такой». Сыну совсем бы невмоготу, если б земля уральская «каждой тропкой, каждой горкой» не напоминала ему о матери. Так в беде и в лихолетье образ матери слился с образом родной земли.

На озерках, на елани,
за логами у леска
кто не видел с самой рани
темного ее платка!
С ребятишками по-вдовьи
в поле маялась она —
Щипачева Парасковья,—
на полоске дотемна
ставила, не зная лени,
за суслонами суслон...
Взять упасть бы на колени,
той земле отдать поклон...

Семьдесят пять лет назад эта женщина из деревни Щипачи в Зауралье родила меньшого сына Степана, которому суждено было стать известным в России и за ее пределами поэтом.

Отец его, Петр Щипачев, умер, когда мальчику исполнилось четыре года. Мать осталась с оравой детей. Жить было нестерпимо тяжко, и Степану пришлось с бабушкой ходить по дворам и просить милостыню. Сестер отдали в прислуги.

Все это вспоминается здесь не хронологии ради, а для того, чтобы показать: поэт вышел из глубинных пластов народа, из самых, что называется, низов. Учился он всего полторы зимы в деревенской церковноприходской школе. В девятилетнем возрасте был отдан в работники, «встрок», как говорили в тех местах. В начале 1914 года был «мальчиком», потом приказчиком в книжном магазине. Это послужило толчком к дальнейшим занятиям грамотой. Книга стала постоянным спутником Степана Щипачева. Крестьянский сын, он стремился к знанию и к самопознанию. Придет час — и он будет учиться в Институте красной профессуры. Первые стихотворные опыты относятся к 1915—1916 годам и связаны с мировой войной. Он испытал ее на себе. В мае 1917 года Степан Щипачев был взят в солдаты в царскую армию. В 1919 году вступил добровольцем в ряды Красной Армии, принимал участие в разгроме уральских белоказаков, позже был командирован в Москву на военно-педагогические курсы. История Страны Советов — веха за вехой — стала историей жизни Степана Щипачева. Линия жизни совпала с линией творчества. Революция — вот начало восхождения человека и поэта. Степан Щипачев с его характером и биографией мог быть среди тех двенадцати красногвардейцев, о которых писал Блок. Он твердо печатал «державный шаг», которым прошел всю гражданскую войну, участки строительства, а затем по фронтам Отечественной войны. Пройдя через труднейшие испытания жизни, он запечатлел пережитое в слове.

Слово! Поэт знает ему цену. Стихи и поэмы Степана Щипачева укладываются в один том. Второй уже составляет проза: повесть о детстве «Березовый сок» да короткие рассказы, зарисовки, очерки, статьи о поэзии. Как будто количественно немного, а между тем — весомо. Есть у поэта добрая дюжина стихотворений, без которых ныне невозможна ни одна антология современной русской поэзии, ни одна хрестоматия. Есть у поэта добрая дюжина афоризмов, крылатых выражений, прочно вошедших в наш обиход, ставших эпиграфами и украшающих живую речь. Приведу здесь лишь некоторые из них: «Любовь с хорошей песней схожа, а песню нелегко сложить», «Капля падает и не знает, на какой упадет цветок», о березке — «Она, видать, характером прямая, кому-то третьему верна», «У ревности душа темна. Опасная советчица она», «Страшно стариться тому, кто любовь, как мелкую монету, раздавал, не зная сам кому», «Уж, видно, чем любовь сильнее, тем за нее страшнее нам», о потомках: «Когда враги гранатой били в нас, то и до вас осколки долетали», «Кто сказал, что наша любовь должна быть мельче наших дел?» Многим памятны эти строки.

Сейчас это просто выговорить: поэт нашел себя. Но до того, как найти себя, он прошел долгий путь исканий. Признание пришло к нему сравнительно поздно. В сорокалетнем возрасте он выпустил небольшую книгу — «Лирика». Она не только прославила автора, но и, что называется, сделала погоду в литературе. От несметных любителей поэзии до известнейших писателей Алексея Толстого и Ильи Эренбурга — все живо и взволнованно откликнулись на эту книгу. Чем же она так заворожила читателей, почему определила весь дальнейший путь поэта?

Было бы нелепым и несправедливым утверждать, что, помимо Степана Щипачева, в ту пору, в пору предвоенную, у нас не было лирики и лириков. Степан Щипачев сумел приобщить к лирике ту огромную читательскую аудиторию, которая привыкла к произведениям лозунгового и маршевого характера, к массовым песням и стихам. Снежинка, обычно опускавшаяся на страницы лирических книг «для любителей», бодро перепорхнула на полосы газет и, представьте себе, заиграла на ней всеми цветами радуги.

На жизнь свою я не хочу пенять,
готов любую непогоду встретить.
В делах поденных пронизал меня
свет подступающих тысячелетий.

Здесь поэт сам называет ту черту, которая так характерна для него на всем протяжении его зрелого творчества. Речь идет о желании совместить «дела поденные», повседневность, злободневность с так называемыми вечными проблемами, со светом «подступающих тысячелетий». На этом пути у Степана Щипачева было много поисков, были издержки, были и несомненные находки, которые стали его, щипачевской, лептой в нашу отечественную литературу.

В лирических строках, воспевающих природу и особенно любовь, поэт сумел выразить и себя и свое время в их единстве. Его «Строки Любви» выдержали несметное количество изданий у нас и за рубежом.

Емкая, прозрачная, доступная пониманию больших читательских аудиторий строфа, естественность тона, доверительность самого лирического сообщения — все это приближало щипачевское творчество к читателю. Стихи в дальнейшем были поддержаны прозой, в которой поэт остался верен себе: краткость, прозрачность, афористичность.

У Степана Щипачева большой и благодарный читатель, который любит своего поэта, его проникновенно звучащую строку.

Билеты во МХАТ сорок первого года

В начале лета сорок первого года МХАТ гастролировал в Минске. Началась война. Фронт быстро приближался к городу, и театр выехал. Вряд ли кто подумал тогда о судьбе билетов, проданных на спектакли. Да и владельцы билетов скорее всего забыли о несостоявшихся встречах с мастерами великой сцены. Впрочем...

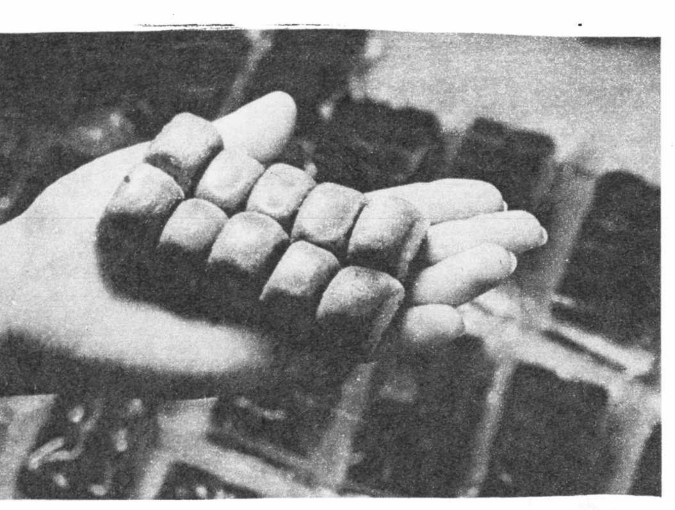
...Историю эту вспомнил заслуженный артист республики Галекс Николаевич Колчицкий.

В шестьдесят седьмом или в шестьдесят восьмом году на спектакль «Егор Булычов» пришел мужчина с орденскими колодками на пиджаке и предъявил билет... сорок первого года. Заместителю директора театра Андрею Алексеевичу Белокопытову он объяснил, что в сорок первом служил в армии в Минске и купил билет в Художественный театр. События отменили спектакль, но билет он спрятал в карман гимнастерки и всю войну берег его, веря, что после победы попадет в любимый театр. И вот он в Москве. То, во что верил в сорок первом, осуществилось.

Билет сохранился в музее театра. Сохранилась фотография, на которой запечатлен и удивительный, можно сказать, театрал, и участники спектакля «Егор Булычов» — Б. Н. Ливанов, А. П. Зуева, А. П. Георгиевская, А. В. Жильцов, Г. Н. Колчицкий и другие. Некоторые из них, между прочим, были участниками гастролей летом 1941 года в Минске.

А. ДАНИЛОВ

Космический хлеб.

Сотворение каравая начинается далеко от этих, выложенных белым кафелем цехов. На колхозных, совхозных полях... Хлебопеки бережно принимают эстафету из рук хлеборобов, вырастивших в 1973 году поистине рекордный урожай. Зерно — на мельницы, а оттуда — мукой, на заводы. Чтобы выйти из печей румяными, пышными буханками, батонами, калачами, пышками...

Виталий Александрович Патт.— Известно, что хлеб — один из поставщиков необходимых организму растительных белков. Но все же в пшеничной, ржаной муке их недостаточно. Мы начали эксперименты по обогащению хлеба. Выяснили, что наилучшее соотношение между белками и углеводами может быть выражено как один к четырем. Но как подойти к такому соотношению? Какие нужны добавки? Не сразу стало ясным, что добавление соевой муки повышает не только количество, но и качество растительного белка. Именно таков «амурский» хлеб. Рыбная мука делает хлеб богатым животным белком, который хорошо усваивается организмом. «Снеток», «каспийский» — как раз такие хлеба. Казалось бы, зная это, добавляй соевую муку, примешивай рыбную. Следи лишь, чтобы вкус не ухудшался. Но пшеница и рожь вдруг проявили свой норов. Вступил в силу закон неприятия, произошло отторжение инородного белка. Буханки получились такими неприглядными, что ни один покупатель не купил бы. Долго велись эксперименты, они и сейчас еще не закончены, но уже найдены закономерности, которые помогают не только более четко управлять выпечкой улучшенного хлеба, но и побороть технологическую несовместимость различных белков.

Полное решение этой проблемы, вероятно, поможет хлебопекам и специалистам по вопросам питания создать невиданные еще батоны, булки, буханки...

Но уже и сейчас выпекается много хлеба, обогащенного молоком и молочными продуктами. В 1970 году дали миллион тонн с добавками молока, сыворотки, молочного порошка. План нынешнего года — более трех миллионов тонн.

Молочный хлеб очень хорош. Вкусен. Легко

тут все же пекут особо ту же «черкизовскую» — внешне на всех заводах одинаковую. По-своему, что ли... «Черкизовскую» из Черкизова отличает особо тщательное расположение маковых зерен; булка не обсыпается ими сверху, а пронизывает весь мякиш.

В Москве выпекают многие национальные сорта и виды хлеба. За «паляницей» приготовленной на 22-м заводе, приезжают даже из фирменного ресторана гостиницы «Украина». Пекут латвийские хлеба и молдавские. Недавно начали конструировать печь для изготовления лаваша. Механизирована и выпечка узбекских лепешек.

Интересны работы, проводимые институтами хлебопекарной промышленности и питания по созданию гаммы лечебных хлебов. Лицетиновые добавки в булочках — против атеросклероза. Есть рецепты йодированного хлеба, выпекают булки для диабетиков. За завтраком, обедом и ужином ест человек такой хлеб и тем самым... принимает лекарство. В том лишь отличие, что продается оно не в аптеке, а в булочной.

К слову, о булочной. Далеко не во всякой есть такое разнообразие, которое предлагает промышленность. Торговля хлебом плетется позади хлебопекарной промышленности. Только фирменные предприятия (а даже в Москве — их всего три-четыре) имеют более или менее полный ассортимент. Обычно же — четыре-пять наименований хлеба, причем, бывает, несвежего. А ведь черствый хлеб — это один из путей разбазаривания урожая. Не покупают черствый, не едят... А с чьей-то нелегкой руки стало утверждаться чуть ли не правило — пока магазин не продаст ранее полученный хлеб, он не выкладывает на прилавок свежий, только что полученный. Между тем

ХЛЕБ, КОТОРЫ

К. БАРЫКИН,
И. ТУНКЕЛЬ

У хлеба не было, нет и не может быть конкурентов. Хоть и говорят, что не хлебом единым... Впрочем, так ли это?

...Группе молодых, крепких ребят предложили участвовать в эксперименте.

— Поработайте на лесопилке, на воздухе. Но кормить вас станут только хлебом.

— Разве им будешь сыт?

— Ну, для разнообразия с чаем.

День за днем весь рацион — хлеб. Утром, в обед, на ужин. Ребята ели и удивлялись — ощущения голода не появлялось. И чувствовали они себя нормально. Словом, все было так, будто они съедали обычные завтраки, обеды и ужины. Потом им объяснили: «Вы ели хлеб с добавками сои, молочных продуктов, рыбной муки».

Идеальный каравай? Если да, то как он появился?

АРИФМЕТИКА КАРАВАЯ

Во Всесоюзном научно-исследовательском институте хлебопекарной промышленности нас познакомили с новыми хлебами. «Диетический», «амурский», «снеток», «колобок», с лицетином, молочные батоны, «полесский», «белорусский»...

— Новые сорта создаются не во имя новизны, а в поисках наилучшего хлеба — по рецептуре, по виду,— рассказывает заместитель директора института, кандидат технических наук

усваивается. Институт вместе с промышленностью разработал свыше 100 сортов изделий с молочными продуктами. Многие из них взяли начало на опытном заводе — он рядом с институтом, в одном здании. Случается, тут выпекают и совсем необычные хлеба. В институте восстановили, например, рецептуру знаменитых калачей, на опытном заводе выпекли первую их партию. Разыскали старожилов, которые помнят вкус прежних калачей. Провели дегустацию.

— Похожи?

— Вкуснее!..

Сайки тоже заново родились в цехах опытного завода и в лабораторной пекарне института. Тут же пекли хлеб для геологов — он остается свежим многие дни. Здесь готовили «рыбацкий», «альпинистский» хлеба. Это все сорта специальные, они имеют особопитательные добавки.

* * *

— Именно потому, что хлеб едят ежедневно, он может стать регулятором питания,— заметил в беседе с нами министр пищевой промышленности СССР Вольдемар Петрович Лейн.— В хлеб можно ввести любые добавки,— технологически это теперь возможно; они могут компенсировать недостаточность тех же, скажем, белков в другой пище.

НОВЫЕ СОРТА

...Есть и такая практика — именовать хлеб по названию места, где он впервые появился. «Орловский» — один из примеров тому. «Черкизовская» булка — второй. Впервые она вышла из цехов завода в Черкизове. Вроде бы на всех заводах рецептура этого хлеба однотипна, но

промышленность взяла на себя хлопоты по переработке черствого хлеба — магазины имеют право отправлять его обратно на заводы. А еще бы лучше — планировать завоз и продажу хлеба так, чтобы на прилавке всегда были свежие батоны, булки; тогда и раскупаться они будут лучше... Слово тут за торговлей. Тем более, что теперь в ее распоряжении есть интересные статистические подсчеты. Они говорят о том, что в потреблении все более увеличивается доля ржаного хлеба; что, скажем, москвичи меньше всего едят хлеба в августе, зато декабрь — месяц «пик». Известны и часы «пик». Зная это, имея другие цифры, в общем-то несложно вести торговлю хлебом на более высоком, чем сейчас, уровне.

КОСМИЧЕСКАЯ ПЕКАРНЯ

Не обходятся без хлеба и в космосе... Мы поехали посмотреть, как выпекается неземной хлеб. Пекарня-то земная, хлеб она печет космический. Тот самый, что берут с собой в полет.

Ассортимент космических хлебов разнообразен. Бородинский, столовый, заварной, ржаной, белый. И удивительно вкусная медовая коврижка. Тоже буханочками.

Каждый космический хлебец выпекается точного веса — по четыре с половиной грамма. Почему пекут буханками? Во-первых, вкус такого хлеба отменен — ведь от корочки он тоже зависит; не случайно же есть любители горбушек. У космического хлебца все горбушки отправляются в рот сразу. Такой, на один укус, каравай не надо резать или надкусывать. Значит, нет и крошек, опасных в невесомости.

Цех по изготовлению космического хлеба напоминает лабораторию. Так миниатюрны по сравнению с обычными печи. Да и приборов,

строжайшим образом следящих за рецептурой, помогающих замесу, выполняющих другие функции, тут больше, чем на простом хлебозаводе.

И все же главное делают люди. За разделочным столом сидят мастера Валентина Ивановна Малинина, Лидия Николаевна Чернышева, Тамара Григорьевна Леденева, Валентина Васильевна Куляк и руководитель участка Октябрина Ивановна Дудина.

Точнейшие весы отмеряют по особой рецептуре приготовленное тесто. Несколько быстрых движений рук, и оно уже в форме. Затем — печь. И снова начинает действовать автоматика.

Снятый, горячий еще, хлеб пакуется (по десять буханочек) в прозрачный конверт из специальной пленки, стерилизуется, затем все вкладывается во второй, теперь уж полиэтиленовый пакет. Тщательно заварят его неким подобием утюга. И можно отправлять туда, где комплектуются бортпайки космических экипажей.

Нас угостили космическим хлебом, который лежал уже несколько месяцев. Он был свеж, словно испекли его недавно.

КАК СОХРАНИТЬ СВЕЖЕСТЬ!

Есть несколько рецептов сохранения свежести хлеба.

Мы надломили и отведали батон, испеченный месяц назад. Хрустнула его свежая, ломкая корочка. Надкусили ноздреватый, податливый мякиш: как будто из печи?

...Десятки лет бьются хлебопеки над сложнейшей и, казалось, неразрешимой проблемой сохранения свежести хлеба. Черствение его

зильные камеры. После выпечки хлеб охлаждается, а затем попадает в морозилки. При температуре минус 18 градусов хлеб замерзает. А перед тем, как отправить такой хлеб в магазин, его подогревают в печи. Тщательные исследования показали, что такой хлеб практически ничем не отличается от только что выпеченного. Не горячий? Так это же лучше! Кому не известно, что горячий хлеб не полезен!

Но не только из-за этого надо бы побольше строить морозильных камер. Они позволяют решить еще две важные проблемы. Первая — появляется возможность отказаться от ночных смен, а может, и от работы в праздничные дни. Увы, пока такие смены необходимы, а это несет свои проблемы. С морозилками же можно бы дневной и вечерний хлеб помещать в камеры, чтобы утром везти его в магазин.

Может, настанет время, когда покупатель не станет спрашивать: «Теплый ли хлеб?» — а поинтересуется: «Нет ли замороженного?» Может быть... И еще. В праздничные дни за пирожными, за тортами, за кексами — очередь. Пекари и кондитеры с ног сбиваются, работают без перерывов. И все равно не хватает сладкой выпечки. Морозилки же позволят заготовлять пирожные впрок. Мы ели такой, после морозилки, торт. Вкусно ли? Конечно...

Огромный кондитерско-булочный комбинат «Черемушки» может накормить хлебом тысячи людей ежедневно. Это крупнейшее в стране предприятие хлебопекарной промышленности сейчас собирается открыть фирменный магазин. Черемушкинский райком партии, райисполком, Министерство пищевой промышленности активно и заинтересованно помогают комбинату. Директор предприятия Елена Трофимовна Дегтярюк говорила нам о том, что с

переработку. Потерь особых в общем-то нет. Но...

...Помнится, в тридцатые годы при некоторых бисквитных фабриках были небольшие магазинчики. Здесь за полцены продавали то, что тогда обозначалось странным для кондитерской продукции словом «лом». Его, однако, охотно покупали студенты, не обходили и люди пенсионного возраста. Конечно, мы стали неизмеримо богаче. Значит, оскорбительно продавать «лом»? Но почему? Не только ведь в достатке дело. Ни одна крошка хлеба не должна пропадать, как бы богаты мы ни были.

Ни одна! В Ленинграде живет один из старейших специалистов хлебопекарного дела, Святослав Всеволодович Коновцев. Ему принадлежит — увы, пока неизданное — уникальное собрание: 42 тысячи карточек, на которых записана вся история хлеба с древнейших времен до наших дней. Труд долгих лет. Труд человека, влюбленного в дело. Особое место в картотеке занимают страницы, посвященные блокадному хлебу. И в ней есть выписка из исследования Д. В. Павлова «Ленинград в блокаде». Вот эти строки: «В конце ноября долгожданная целлюлоза начала поступать на хлебозаводы. С этого времени хлеб выпекался из смеси: пищевой целлюлозы — 10%, хлопкового жмыха — 10%, обойной пыли — 2%, мучной сметки и вытряски из мешков — 2%, кукурузной муки — 3%, ржаной муки — 73%... Хлеб на вид был привлекательный, белый, с румяной коркой, на вкус — горьковато-травянистый».

Зная такое, можно ли говорить о хлебе без уважения?! Можно ли допускать его потери; допустимо ли небрежение к хлебу?

Й МЫ ЕДИМ...

объясняли по-разному. В одном только сходились, в выводах — черствение-де неизбежно. Ученых же и практиков хлебопечения это не устраивало. Они помнили о секрете давнишнего московского хлебопека Филиппова. Вот как рассказывает о нем В. Гиляровский: «Черный хлеб, калачи и сайки ежедневно отправляли в Петербург к царскому двору. Пробовали печь на месте, да не выходило, и старик Филиппов доказывал, что в Петербурге такие калачи и сайки не выйдут.

— Почему же?

— И очень просто! Вода невская не годится!

Кроме того,— железных дорог тогда еще не было — по зимам шли обозы с его... калачами и сайками, на соломе испеченными, даже в Сибирь. Их как-то особым способом, горячими, прямо из печки, замораживали, везли за тысячу верст, а уже перед самой едой оттаивали — тоже особым способом...».

Каким? Ученые нашли ответ. Они улучшили технологию замораживания испеченного хлеба, создав предпосылки для — в последующем — индустриального внедрения этого метода, чтобы он соответствовал духу времени и масштабам производства.

Ведь ежегодно только заводы Министерства пищевой промышленности страны выпекают около 20 миллионов тонн хлеба! Пока из этого количества замораживается только малая толика.

— Холод против черствения дает хорошие результаты,— говорит нам начальник главного управления Министерства пищевой промышленности СССР Георгий Валерьянович Строганов.

И советует поехать на крупнейший в стране кондитерско-булочный комбинат «Черемушки». Здесь построены огромные — в каждую войдет несколько грузовых автомобилей — моро-

достижением проектной мощности отсюда ежедневно только мелкоштучных изделий будет выходить почти 50 тонн. Сейчас пущено четыре линии, а всего их будет шесть. Кондитерский цех станет давать 25 с половиной тонн тортов и пирожных.

Мы обратили внимание на то, что тот же кондитерский цех имеет немного отходов. Не удалось формой пирожное — не пошлешь же его в магазин, естественное дело. Кекс, что не отвечает госту, — брак. На пути продукции к магазинному прилавку — строжайшие контролеры. Нестандартная продукция идет на

Сент-Экзюпери писал, что хлеб «...нечто большее, чем телесная пища... Хлеб стал для нас символом величия труда, потому что добывается он в поте лица...»

Хлебороба. И — хлебопека.

Мы с удовольствием знакомим читателей «Огонька» с Геннадием Сергеевичем Страмновым, директором хлебозавода № 22. Герой Социалистического Труда Страмнов звание это завоевал работой у печи. Он любит свое дело самозабвенно.

Страмнов начал свою трудовую деятель-

В ближайших номерах «Огонек» начинает печатать четвертую, заключительную часть повести лауреата Государственной премии РСФСР Анатолия Калинина «Цыган».

ность в хлебопекарной промышленности в 1945 году рабочим. А в 1949 году возглавил смену. В 1961 году Страмнова послали на освоение нового хлебозавода № 18 — и предприятие вошло в строй действующих за три месяца. В одной из африканских стран стали налаживать хлебопечение. Попросили помощи. Кого послать? Подумали, решили: Страмнова... Завод в Кунцеве построили. Кого туда директором?.. Отличный хлеб выпекают сейчас в Кунцеве, на 22-м, где директором Страмнов. И обычный и фирменный пекут — «кунцевскую булочку».

— Приходилось вам есть сдобную деревенскую лепешку? — спрашивает Г. С. Страмнов.— Нет? Отведайте, мы начали их выпекать. Не лепешки, а булочки, но строго придерживаясь народной рецептуры. Три копейки стоит такая булочка. Берут нарасхват. По десять—пятнадцать штук. Но разве съешь сразу столько? Черствеет... Улучшили рецепт, ввели жир, сахар — стала булка стареть медленнее. А если к тому же упаковать ее в непроницаемую пленку? Наш район соревнуется с Киевским. Мы к ним на Дорхимзавод — так, мол, и так, не сделаете ли термоусадочную пленку? И вот, извольте...

Страмнов протягивает нам несколько булочек, затянутых в блестящую пленку. Упаковал этот хлеб полуавтомат — он берет по четыре булочки, заворачивает и запечатывает их с такой тщательностью, что даже после недельного хранения булки свежи и вкусны. Все бы хорошо, но мало, очень пока мало такой пленки для упаковки.

РЖАНОЙ ПЕРЕСЕКАЕТ ГРАНИЦУ

...Приехали в Москву хлебопеки из Хельсинки. Крупнейшая финская кондитерско-булочная фирма «Карл Фацер» обратилась во Всесоюзное внешнеторговое объединение «Лицензинторг»: «Помогите приобрести лицензию на выпечку русского ржаного хлеба».

Хлеб из ржаной муки приобретает во всем мире год от года растущую популярность. «На ржаной — мода?» — вопрошает одно из зарубежных изданий. «Сейчас мы вас угостим хлебом для богатых»,— не без торжественности предупредили за обедом одного из наших биохимиков, приехавшего в Лондон на конгресс. И подали ломти черного хлеба.

Почему так быстро выходит на передовые позиции ржаной хлеб? Физиологи, специалисты по лечебному питанию не раз утверждали: если регулярно есть только ржаной хлеб, можно избежать некоторых болезней, вызываемых нарушением обмена веществ...

А лучше ржаного, выпекаемого у нас, по нашим рецептам, нет нигде!

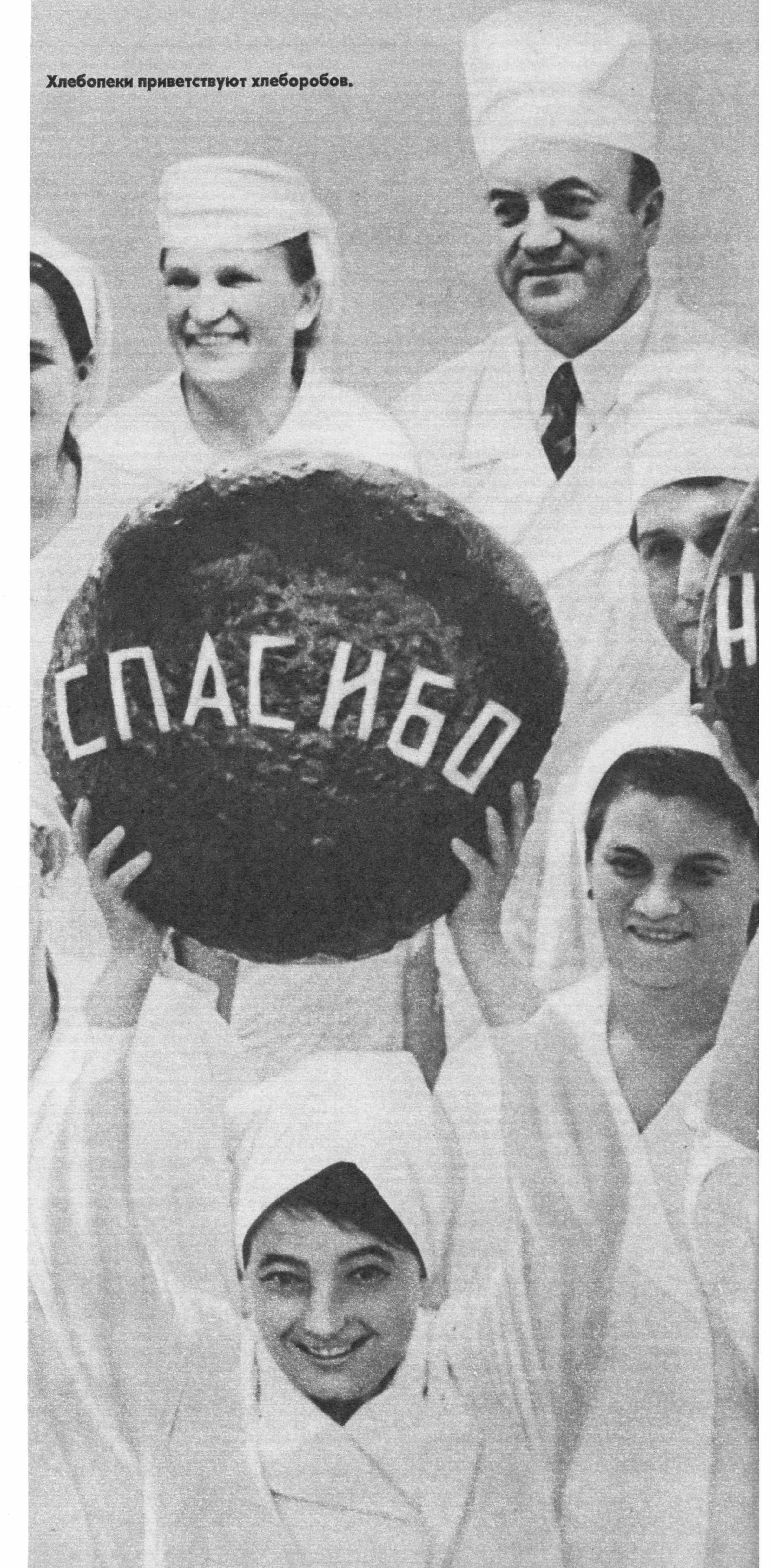
Вот финские хлебопеки и приехали в Москву. Их заинтересовал способ производства хлеба, разработанный сотрудниками Института хлебопекарной промышленности и его ленинградского отделения. Переговоры завершены, подписан договор, скоро наши специалисты поедут в Финляндию — помогать в наладке и пуске оборудования, которое станет выпекать русский ржаной.

Пожалуй, вкуснейший из столовых хлебов.

...Формы сотрудничества хлебопеков разнообразны. В рамках программы СЭВ проводится несколько интересных, перспективных работ. Ученые и конструкторы Всесоюзного научно-исследовательского института хлебопекарной промышленности вместе с конструкторами ГДР заканчивают разработку линии по производству ржаных и пшеничных, нарезанных ломтями караваев. Роли распределились так: в Москве занимаются всеми вопросами механизации приготовления теста и выпечки хлеба, а в ГДР — охлаждением его, резкой на ломти и упаковкой такого, уже нарезанного хлеба в полимерную пленку. Она-то и сохранит свежесть хлеба, и не на один день. Откроешь упаковку, возьмешь два-три ломтя, а остальное можно снова завернуть в тот же непроницаемый пакет.

* * *

Любая пища, самая изысканная, приедается. А хлеб — никогда. Нет и не может быть у хлеба конкурентов.

Хлебопеки приветствуют хлеборобов.

АШИМ
ХЛЕБОРОБАМ

НА СТРОЙКУ МОЗЫРСКОГО НЕФТЕПЕРЕРАБАТЫВАЮЩЕГО ЗАВОДА В ПЕРВОМ ПОЛУГОДИИ 1973 ГОДА ПРИБЫЛО 269 РАБОЧИХ, УВОЛИЛОСЬ 363. ПОЧЕМУ?

А. ЩЕРБАКОВ

по крайней мере вчетверо больше.

И так всюду — на ТЭЦ, на очистных сооружениях, на трансформаторной подстанции.

Что сковывает стройку? Причин много. Но среди основных и самых тревожных — текучесть кадров, не хватает людей.

...«Прошу уволить меня по собственному желанию» — ложатся заявления на канцелярские столы, будто с конвейера. 658 рабочих взяли расчет в 1972 году. Это больше 50 процентов от числа поступивших. В первом полугодии 1973 года уволилось больше, чем пришло. Не прекращается утечка и инженерно-технических работников.

К этим словам прораба из 183-го стройуправления Леонида Иосифовича Добрука можно присоединить еще сколько угодно голосов.

Я поинтересовался организацией социалистического соревнования на стройке. На большом щите начертано: «За высокое качество строительно-монтажных работ. Показатели качества и культуры производства по объектам СУ-167 и 191». Но никакого качества щит этот не отражал. Девственно чист был и другой щит, где, судя по написанному на нем, должны быть «Показатели ударных бригад, работающих на объектах первой очереди НПЗ». Пустовала и доска с надписью «Флаг

трестом Н. Ф. Майданович и его заместитель по кадрам и быту П. А. Бокунович находят десятки причин, которые, по их мнению, дают им право считать заботу о людях делом вовсе не первостепенным. Хотя на сей счет весной им было указано постановлением коллегии Министерства промышленного строительства БССР и президиума республиканского профсоюза работников строительства и промстройматериалов. Там так и записано: «Указать управляющему трестом № 6 т. Майдановичу Н. Ф. на неудовлетворительную работу по закреплению рабочих кадров и потребовать осуществления в 1973 году мер по коренному улучшению работы с

ПОЧЕМУ?

В Белоруссии, в Мозыре, строится уникальный завод и по техническому оснащению и по технологии переработки нефти. Страна ждет его первый комплекс. Особенно бензин «девяносто третий», — им будут «поить» миллионы «Жигулей» и «Волг». Но положение на стройке чрезвычайно напряженное: срываются планы и по производственному, и по жилищному, и по коммунальному строительству, и по производительности труда. Качество работ на многих объектах такое, что его и качеством-то назвать неудобно. Сложилась парадоксальная ситуация: еще не родившийся завод уже наступает на пятки действующему с 1971 года строительному тресту. Вокруг стройки целые баррикады — только не оборонительного, а наступательного характера: из ящиков, контейнеров — оборудование идет и идет, а девать его некуда. И площадки под монтаж не готовы, и складов нету.

В одном месте несколько человек копают какую-то траншею, в другом — четверо бетонируют площадку, поодаль небольшая группа монтажников ладит что-то на металлических ребрах каркаса будущего корпуса. Создается впечатление, что все движется в каком-то замедленном темпе. Впрочем, так оно и есть.

— На сооружение установки «ЛК-6у», — утверждает Александр Константинович Асташов, ее будущий начальник, — нужно год, ну, год с небольшим. А здесь начали с ноября 1971 года, но конца не видно. Вон, — показывает он на опалубку, — месяц уже никто к ней не прикасается... Фундамент под реактор гидроочистки делают с 1972 года. Людей то пришлют, то снова куда-нибудь перебросят. Монтажников только что взяли на теплотрассу, оставили тут человек сорок. А нужно их

— За полтора года, — сказал мне начальник стройуправления 167 Юрий Федорович Хомяк, — аппарат управления обновился полностью. Где уж тут думать о цементировании рабочего коллектива!

Такое интенсивное «движение» кадров поставит в тупик даже видавшего виды строителя. Откуда оно? Где истоки?

Известно, что есть люди, у которых дух бродяжничества от природы. Не успев приехать к новому месту работы, они уже тяготятся им, не пытаются прижиться и тут же начинают готовиться в дорогу — искать счастья, представление о котором давным-давно растеряли в суетных и бестолковых своих скитаниях. Таких, однако, меньшинство. И не они определяют положение дел на стройках. У большинства же увольняющихся за «собственным желанием» стоят ясные представления об интересной, умно организованной работе, о нормально налаженной жизни. Они знают, чего ищут, чего требуют, и никак не могут быть отнесены к числу летунов. И если они подают заявление: «Прошу уволить меня по собственному желанию», — за ним, за этим «собственным желанием», есть чье-то нежелание (или неумение, или то и другое вместе) отвечать за то, чтоб у человека, приехавшего на стройку, была только одна забота: в полную силу работать, все отдать делу, за которое взялся.

— Попробуй работать в полную силу при такой, как здесь, организации труда. Подашь заявку, чтоб плитку глазурованную привезли или подоконную доску, и ждешь иной раз неделями. А рабочих загружать чем-то надо. Часто нечем. Простои долгие. Заработки жидкие. Посмотрит-посмотрит человек — и спиной к стройке. А его и агитировать-то как-то неудобно, чтоб вернулся.

поднят в честь бригады...». Да и поднимать нечего: на флагштоке одна проволока. Выходит, нет победителей. Нет и соревнования.

Не доходят руки его организовать? А до чего же они доходят?

В те дни, что я провел на стройке, был сильный ветер. В воздухе висела завеса пыли, песка. Как бы кстати сполоснуться под душем в обеденный перерыв и после смены! Негде. Я попросил показать бытовки, мне показали вагончики и сборные домики, где оборудованы прорабские и какие-то еще конторы — хранилища папок с бумагами. По пути попался резервуар с манящей надписью «Квас». Оказалось, что резервуар этот — единственный тут водный источник — и попить, и умыться, и помыть руки...

Обед в столовой на стройке занял больше часа. Столовая современная, красивая. Здесь — самообслуживание. Но пунктов раздачи всего два. Приходится долго и терпеливо стоять в очереди. Причем настроение портится еще до приобщения к самообслуживанию. Возле кранов и раковин — ни полотенца, ни электрического рукосушителя.

За пределами стройки забота о человеке тоже не очень резко обозначена. Особенно в микрорайоне Бобры. Здесь в общежитии есть горячая вода, но случается так, что одну ладонь помоешь, а на вторую не хватит! Газифицированы до сих пор не все дома. Далеко не лучшим образом организованы торговля, бытовое и культурное обслуживание.

И вот получается, что трест все время страдает от нехватки кадров, но серьезно подумать об их закреплении, о том, чтобы привить им чувство оседлости (а привить его можно лишь одним способом: обеспечить строителя всем необходимым для оседлой жизни), выходит, некому. Управляющий

кадрами». 1973 год закончился, а «коренного улучшения» в тресте пока не обнаруживается. Мера ответственности за это руководителей треста велика. Но имеются еще и, если так можно выразиться, соответчики.

...Известно, что дом не будет стоять прочно, если под ним нет крепкого фундамента. Но нет-нет да и забывают об этой истине при организации строительного дела.

Шестой трест создали в конце 1971 года. И сразу же он получил внушительную производственную программу. Но тут же возник вопрос: где взять кадры? Ответ: «Ищите!» Где искать? В окрестных деревнях? Но Мозырь хотя и не ахти какой крупный промышленный центр, однако он уже повычерпал трудовые ресурсы всей округи. Звать с других строек? Поедут ли хорошие специалисты? (Плохие-то никому не нужны.) А где найти инженерно-технических работников? Давать объявления в газетах? Дают. Откликаются. Завязывается переписка. Однако каждое приглашение — риск: «берем кота в мешке». Так как же тогда комплектовать коллектив такой большой стройки?

Можно было бы смело приглашать людей, если бы трест располагал жильем. Но он не располагает. Жилые дома строят медленно. Год от года растет производственная программа треста. Соответственно увеличивается и плановая численность рабочих. Ассигнования же на жилье в 1973 году по сравнению с предыдущим были уменьшены.

Трест не имеет ни Дома культуры, ни профилактория, ни пионерских лагерей, ни стадиона, ни загородной базы отдыха. (Не потому ли отсюда «утекает» так много молодежи, в частности выпускников профессионально-технических училищ?) Все это планируется на будущее. Отчасти это верно, по-

тому что стройка рассчитана надолго: к нефтеперерабатывающему заводу имеется в виду «привязать» еще несколько предприятий. Но только отчасти. Люди приезжают сегодня и сегодня же нуждаются в жилье, в детских учреждениях, в клубе. Им сегодня необходимы парикмахерская и швейное ателье, прачечная и химчистка, магазин, почта, сапожная мастерская, пункт проката...

Новые заводы в этом смысле в ином положении. Завод вырастает, постепенно подбираются кадры, принимается и осваивается оборудование. К моменту пуска предприятия есть какой-то фонд жилья, бытовых и культурных учреждений. Процесс идет нормально. Строители же почему-то должны — как будто им на роду написано — мириться с неустроенностью и всю жизнь переносить временные трудности (кстати, это касается не только быта, но и промышленной базы).

Управляющий шестым трестом Н. Ф. Майданович говорит:

— С 1954 года работаю в строительстве. По технической оснащенности мы за эти годы ушли очень далеко, по технологии, по применению новых материалов — тоже. А вот в организации строительного дела топчемся на месте. По-прежнему все начинаем почти с нуля, а задание — сразу на миллионы рублей. Размах строительства громадный, а под свое здание фундамента подвести не можем. Все это способствует текучести кадров.

Заместитель министра промышленного строительства БССР А. А. Борщ добавляет:

— Необходимо заранее и тщательно планировать развитие будущих промышленных районов, создавать необходимые заделы, базы, а потом уже во всю ширь разворачивать само строительство. Тогда мы избежим потерь, которые несем теперь, в том числе и потерь кадровых.

Согласен с этим и первый заместитель министра промышленного строительства СССР К. В. Трофимов. Но что примечательно: в министерстве в ходе нашей беседы проблемы быта строителей «всплыли» лишь в самом конце. А сперва фигурировало все что угодно — материалы, оборудование, техника, только не люди, их заботы, нужды. К сожалению, и планирующие органы не считают проблемы устройства быта строителей первоочередными.

И вот потери, а не экономия, как может показаться на первый взгляд: «Побольше-де, мол, вложим в промышленные объекты, а потом уж ассигнуем и на быт и на все остальное». Стоит подсчитать убытки от не вовремя введенных в строй комплексов и цехов; от зря выплаченных подъемных; от расходов на доделки и переделки, испорченного «строителями на час»; от затрат на обучение наспех принятых неквалифицированных рабочих вместо уехавших; от провалявшегося под открытым небом дорогого оборудования, для которого не хватило рук, и арифметика выйдет убедительная.

Так когда же, товарищи, мы научимся считать? Ведь перед нами не школьная задачка «на сложение», а большая государственная задача, и самое первое слагаемое в ней — забота о человеке.

Мозырь — Минск — Москва.

ЗЕМНОЕ БЕСПОКОЙСТВО

Когда смотришь на Ольгу Капитоновну Кретову, читаешь ее книги, невольно вспоминаешь слова Некрасова: «Есть женщины в русских селеньях...»

Никто и ничто не расскажет об Ольге Кретовой лучше, чем ее собственные книги. Вдумайтесь в их названия: «Черноземный край» (1939), «В стране чудес» (1940), «Каменная степь» (1949), «Щедрое сердце» (1954), «Солнечный дождь» (1956), «Под Воронежем у нас» (1959), «Человек виден весь» (1964),— и вы поймете, что все они о сельских тружениках.

Связь Ольги Капитоновны с деревней длительна и прочна. Она базируется не на творческих командировках. Писательница выросла в деревне, работала там, долгое время жила в колхозной среде. Вся ее жизнь, по существу, переплетена с жизнью деревни. С проблемами духовного роста советского крестьянства неразрывно связано все творчество талантливой писательницы и очеркистки.

В книгах Ольги Кретовой—художественная летопись среднерусской деревни на протяжении сорока лет. Если сравнить первую книгу писательницы с последней, то и по ним можно заметить, как далеко шагнула наша деревня за годы Советской власти, какой скачок сделала она в своем развитии. Но сила и значение произведений Кретовой не только в этом. Оставаясь верной правде жизни, она художественно убедительно показывает, что сейчас, когда именно в деревне столь ярко выступает величие наших социалистических преобразований, там же, в деревне, главный узел труднейших и сложнейших вопросов нашего строительства.

В последних своих очерках писательница много внимания уделяет тем большим переменам, которые происходят в жизни деревни. Вместе с тем Кретова отмечает, что за осуществление постановлений партии, за претворение их в жизнь нужно бороться. Да и сама борьба, само продвижение вперед постоянно ставят новые важные вопросы, которые, естественно, не всегда можно предусмотреть.

Ольга Кретова обладает даром непосредственно воспринимать окружающее — даром, присущим истинным художникам. И благодаря этой способности — видеть все как бы впервые, без груза привычки — все впечатления приобретают прелесть открытия, силу новизны.

Одна из особенностей творческой манеры Ольги Кретовой — завидное умение вскрывать языковые богатства народа. Именно поэтому многие ее слова приобретают свою изначальную свежесть, первозданную выразительность. Читать Кретову — большое эстетическое наслаждение.

Ольга Кретова влюблена в среднерусскую природу — в лес и озера, в туманные зори. В ее произведениях природа живет вместе с людьми и неотделима от их повседневных забот и дел. Она звучит, дышит, как живое существо, и даже чувствует боль. Ощущение радостной, ясной «дружбы с кормилицей землей» отличает многих героев и героинь кретовских произведений.

Автор «Черноземного края» и «Солнечного дождя», умея наблюдать тонко и точно, не оставляя без внимания ни характерной приметы времени, ни любопытной достопримечательности, ни нежной травки, ни крохотного цветка, ни игольчатой пыли дождя, ведет нас по старой и вечно новой земле. Она чрезвычайно внимательна к первейшим, простейшим приметам родной земли: к аромату пригретого солнцем соснового бора, цветущему июньскому лугу, к солнечным пятнам, просачивающимся на траву сквозь неплотную листву берез, к повадкам маленьких речушек, к колкому запаху инея.

Ольга Кретова всегда там, где нужнее. В сельской школе на опасном посту уполномоченного райкома во время коллективизации, на колхозных полях во время войны, во главе Воронежского отделения Союза писателей, на депутатской работе городского, затем областного Советов, в редколлегии журнала «Подъем» и снова в деревне. Она всегда с народом. И так всегда... Все семьдесят лет.

Михаил ЛАПШИН

●

«ОЧЕНЬ БЛАГОПРИЯТНОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ»

Все ближе дата совместного космического полета кораблей «Союз» и «Аполлон». В октябре в Москве состоялась очередная встреча советских и американских специалистов по подготовке и проведению этого эксперимента в космосе. В ходе встречи обсуждалось взаимодействие советского и американского центров управления полетом. Американские специалисты во главе с заместителем директора Национального управления США по аэронавтике и исследованию космического пространства доктором Дж. Лоу посетили подмосковный Центр управления полетом. На пресс-конференции, прошедшей в Хьюстоне, директор американской части проекта доктор Г. Ланни отметил, что советский Центр управления полетом произвел на американских специалистов «очень благоприятное впечатление».

В. ПОЛЯНСКИЙ

Американские специалисты знакомятся с оборудованием оперативного зала управления полетом.

Фото А. Пушкарева (ТАСС).

НАСЛЕДНИК ДАНИЛЫ-МАСТЕРА

Сергей МИХАЛКОВ
Фото М. САВИНА.

Россия издавна славится самоцветами.

Богатые месторождения самых разнообразных полудрагоценных и драгоценных минералов известны на Урале, в Сибири, на Кавказе, в Забайкалье и на Дальнем Востоке. Исключительно твердые породы этих камней различных рисунков и расцветок, трудно поддающиеся обработке, в свое время привлекали русских умельцев, которые изготовляли из них разнообразные дорогие изделия, высоко ценившиеся при царском дворе.

Поразительного мастерства в создании изделий из русских самоцветов во второй половине XIX века достиг русский придворный ювелир Карл Фаберже, чьи уникальные работы вошли в мировую сокровищницу прикладного искусства. В настоящее время известная американская ювелирная фирма Кортье поставляет на мировой рынок аналогичные изделия, продолжая традиции русского камнерезного искусства.

Исключительная сложность обработки столь твердых минералов ограничивает возможности художников-камнерезов, а иной раз просто делает невозможным создание задуманных произведений. Поэтому известные современные изделия из минералов чаще всего носят условный характер. Замечательные работы Василия Коноваленко, которые воспроизведены в этом номере, не только дают представление о фантазии автора, решившего свои композиции скульптуры малых форм в духе традиционного русского народного жанра с присущим ему простодушным юмором, но и открывают новые возможности обработки твердых минералов и использования их для создания неповторимых художественных произведений.

Василий Васильевич Коноваленко родился в 1929 году на Украине в семье крестьянина. Специальное художественное образование получил в Донецке. Творческая биография мастера неразрывно связана с работой во многих театрах страны, где он являлся художником-постановщиком ряда оперных и балетных спектаклей. Член Союза художников СССР, В. В. Коноваленко с 1946 года систематически участвует в выставках с эскизами театральных постановок и портретной скульптуры. В 1951 году, работая над оформлением балета «Каменный цветок», В. В. Коноваленко заинтересовался строением, формой и рисунком минералов. Он несколько раз ездил по стране в составе геологических партий. Удивительное изобилие месторождений отечественных самоцветов пленило воображение художника, и он посвятил себя «каменному цветку» земных недр. Его творческие искания с этого времени были направлены на создание произведений из самоцветов. Упорно работая и совершенствуя свой метод обработки твердых минералов, Коноваленко добился высокого мастерства и успешно претворил в жизнь свои творческие замыслы. Экспозиция десяти работ художника, которая недавно была показана в Русском музее в Ленинграде,— это результат его двадцатилетнего неутомимого труда, отданного любимому делу.

* * *

— У камня можно учиться живописи,— говорит Василий Коноваленко.

И камень, который художник умеет очень тонко чувствовать и видеть, часто подсказывает ему композицию его работ, а порою и сюжет. Подарили как-то геологи скульптору-ювелиру кахолонг. Долго присматривался художник к куску камня. И вдруг воображение нарисовало ему контуры ласточки... Вот и головка, и хвостик, и лапка. Надо лишь довести, выявить.

Так же появился и замысел скульптуры «На рыбалке».

А как замечательно камень цветом своим помогает художнику раскрыть суть образа.

Подозрительно насупившись, глядит на нас недобрым глазом тучный боярин — скульптура «Царево око». Он в красной рубахе — и кажется, что уже сам этот красный цвет не сулит ничего доброго. Тем более что в пухлой руке у боярина наручники...

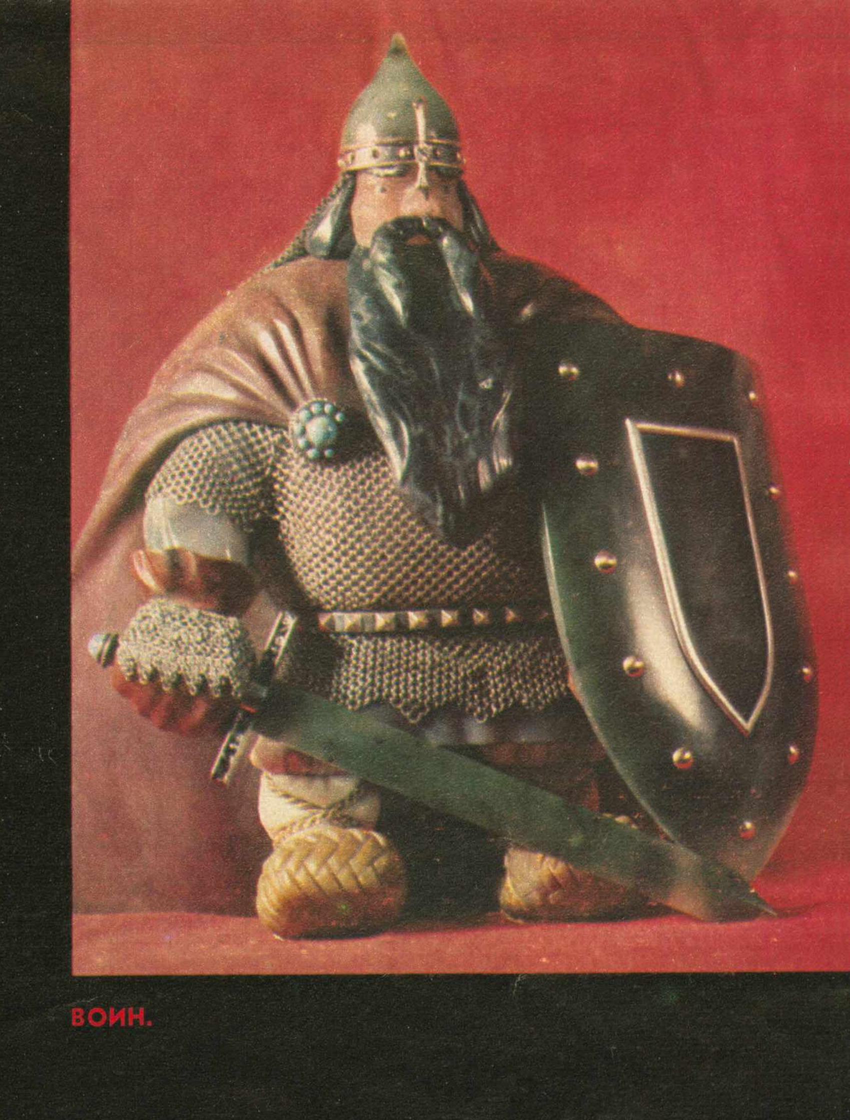
Шуба на боярине лисья — это яшма орская, рубаха — пурпурин.

А чтобы сделать только одну группу «Бабушка и дедушка», скульптору понадобились агат, кахолонг, кварцит, белорецкий кремень, лабрадорит, нефрит, полуопал, пурпурин, сапфир. Клубок ниток, что сматывают добрые старички,— сплетенные нити золота... Художник нередко для отделки своих скульптур применяет благородные металлы. Золото, серебро, сочетаясь с камнем, как бы оживляют его, особенный цвет каждого камня становится мягче, теплее, и даже словно бы каждая складочка одежды ложится вдруг естественнее, живее.

Палитра камней-самоцветов, созданная самою природой, очень богата. И Василий Коноваленко умеет ее использовать во всей полноте. Например, в композиции «Бражники» художник соединил в живой цветовой гармонии около 60 драгоценных и полудрагоценных минералов.

Сейчас мастер задумал серию работ, где украинские типажи предстанут в ярких национальных одеждах.

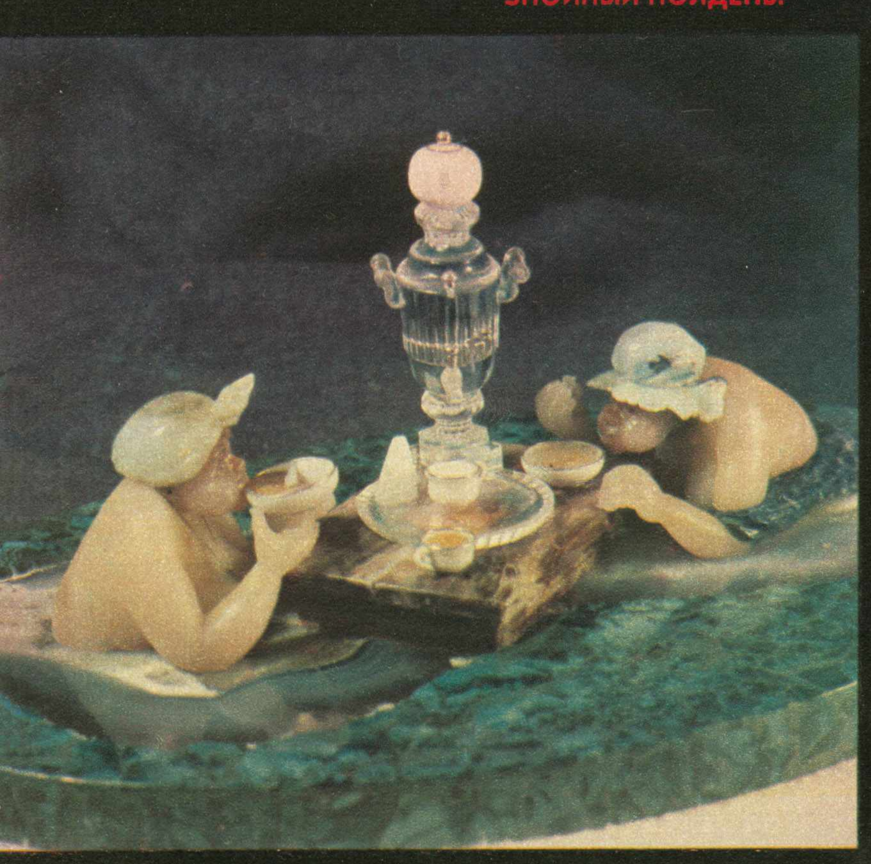
ВОИН.

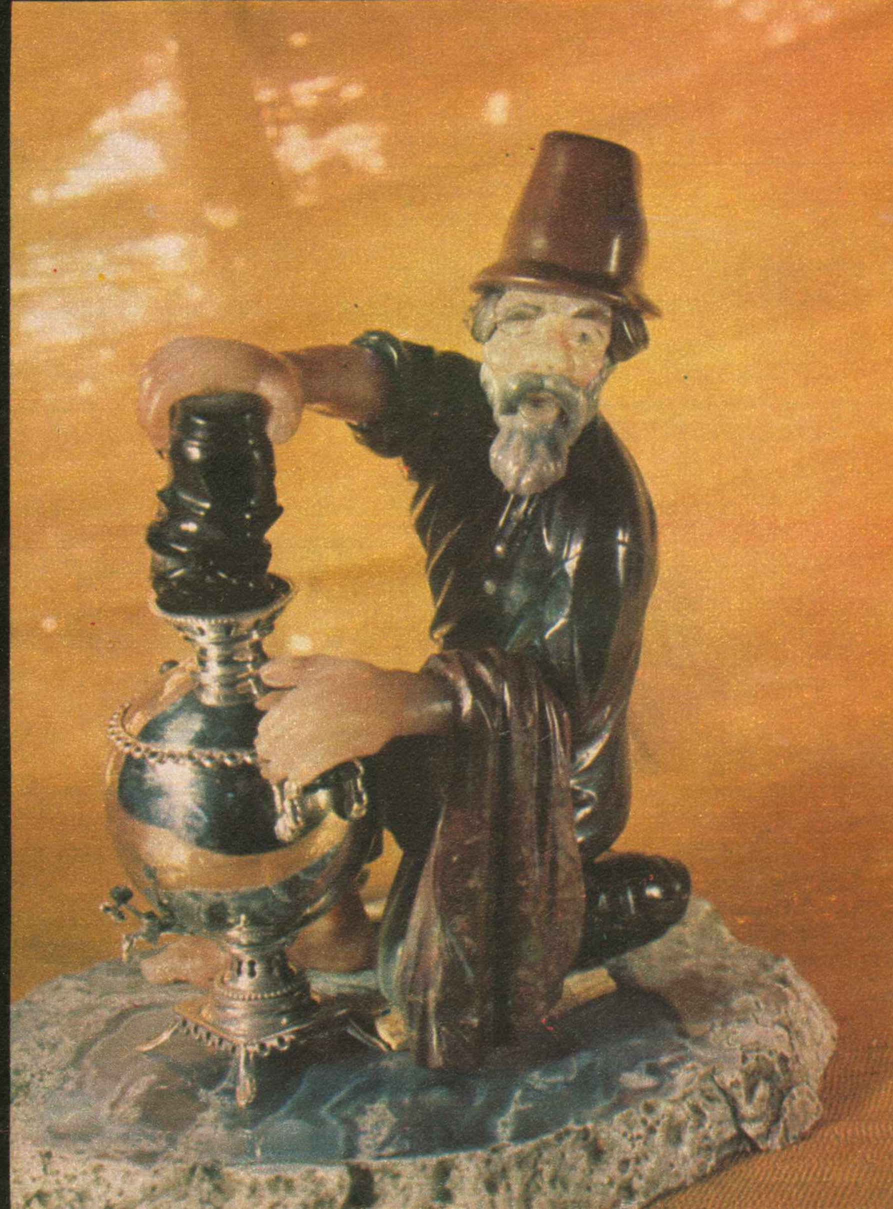
ЧАЕВНИК.

НА РЫБАЛКЕ.

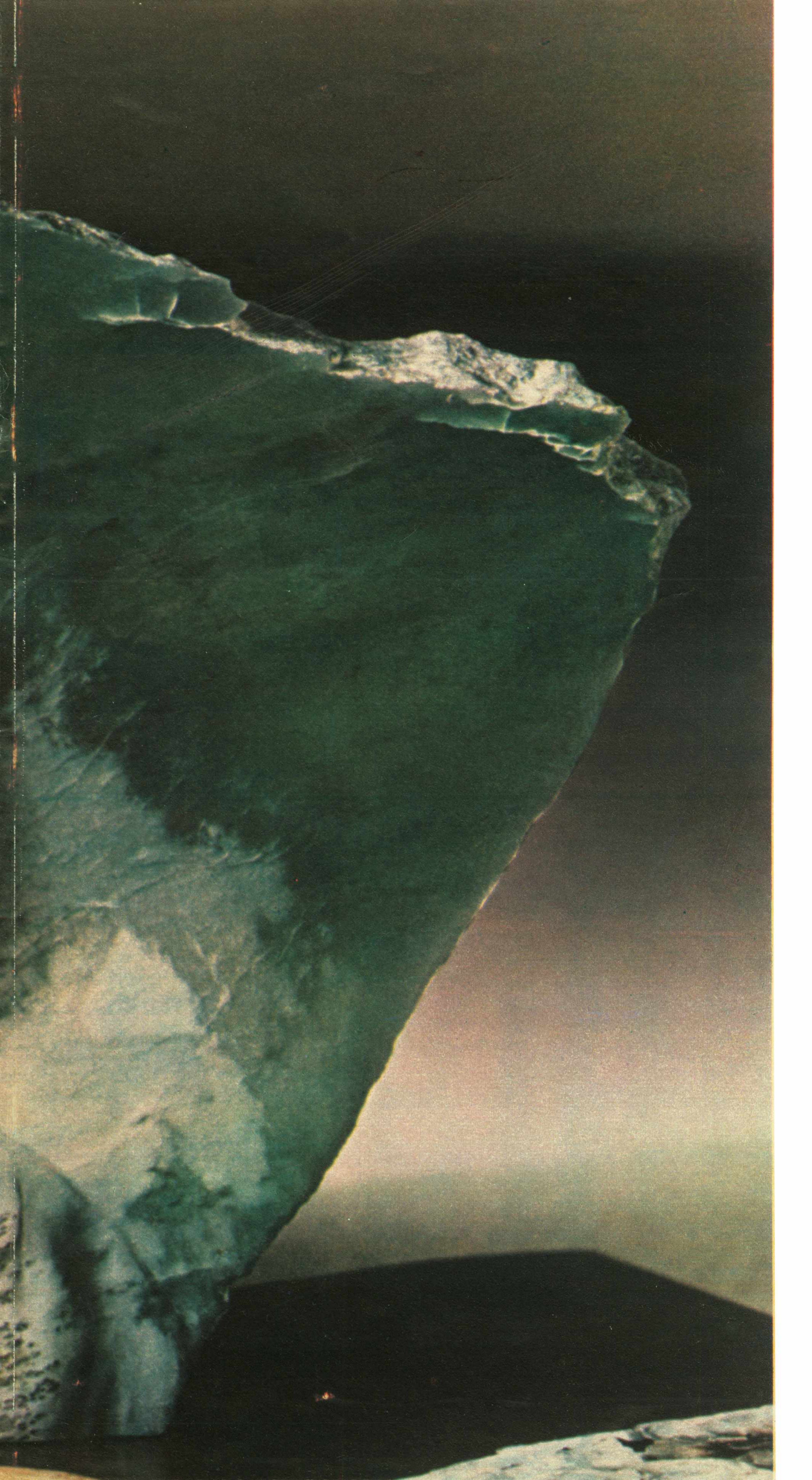
В. Коноваленко.

ЗНОЙНЫЙ ПОЛДЕНЬ.

В. Коноваленко.

ЮРИЙ ГАГАРИН.

БАБУШКА И ДЕДУШКА.

БРАЖНИКИ.

В. Коноваленко.

НА МОРМЫШКУ.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ.

Лариса ЛАТЫНИНА

ПОВЕСТЬ

Рисунки И. БЛИОХА.

ДО СТАРТА

...Раньше по этой улице проходил полк. Мой полк. Я ведь знала Красную Армию не по картинкам, рассказам и песням. Наш двор населяли ее бойцы и командиры. Мои друзья. У одного я, шестилетняя девочка, гладила эмаль на красно-белом ордене. С другим отправлялась на таинственно-темный вещевой склад. Третий помогал мне кормить буйного, лохматого Бинку.

Полк поднимал меня на сильных руках высоко, высоко. Угощал ирисками. Заливисто хохотал вместе со мной. Учил рисовать цветными карандашами «Тактика». Порою утирал размазанные на щеках слезы.

Горнист гудел утро. Скрипели командирские портупеи. Весело грохотали ботинки красноармейцев.

Когда полк проходил по этой улице, все сливалось в великолепном марше. А я неслась вдоль белых домиков Херсона, зеленых заборов и пьянящих акаций. Я бежала быстрее всех мальчишек и радостно кричала, хотя знала: мой голос тонет в громогласной лавине оркестра.

...Сейчас по этой улице гитлеровские солдаты ведут колонну измученных людей. Маленький мальчик выскользнул из колонны и хотел прижаться к моей маме... Но солдат хватает его за руку и швыряет обратно.

На следующий день всех этих людей расстреляли.

А вскоре автоматная очередь прошила нашу комнату. Низкорослый молодой солдат со свежими порезами на подбородке и светлыми, выпученными глазами стоит у двери, стреляя в фотографию на стене. В ту, на которой в одном ряду с комсоставом стояла моя мама. Повар полковой столовой.

Свинец, разбив стекло и пронизав стену, загудел дикую свою песню в пустой комнате соседей. Пустой, потому что тетю Валю арестовали утром. У нее нашли пишущую машинку. Позже мы узнали: ее расстреляли в тот же день. А сейчас я смотрела из-за маминой спины в открытую дверь. Слезы мешали мне, и все же я видела Бинку. Щенка, в которого солдат выстрелил, похохатывая. И сейчас я видела гасшие собачьи глаза и беспомощные широкие лапы моего рыжего. Солдат еще раз хохотнул приглушенно. Затем он строго глянул на нас и произнес начальственно:

— Diese Leute gibst nicht mehr. Und man sollte an sie nicht denken [1].

Он повернулся четко, будто бы ощущая присутствие невидимого офицера, и ушел.

Мама присела на корточки и собрала осколки стекла, щепки от коричневой рамочки, обрывки глянцевой бумаги. Потом мы пошли хоронить Бинку.

Прошла осень и голодная зима. На исходе ее низкорослый солдат вновь вошел в нашу комнату. Уже не один. Спутник его в такой же болотного цвета шинели и коротких сапогах выглядел постарше. Глаза его бегали, левая щека дергалась. Первый поднял автомат и, похохатывая, как тогда летом, спросил:

— Verstehen Sie jetzt deutsch? Der Hund ist futsch. Das Lichtbild ist futsch. O, ich vergesse nichts. Das sieht nach O r d n u n g aus. Stimmt das, Franz? [2]

Это слово мы уже знали, но молчали. Я смотрела на автомат, как ни старалась мама заслонить меня.

Второй прогудел рассудительно:

— Wenn du nicht die Absicht hast zu schießen, so fuchtle nicht mit der MPi herum, Rudi! Ein Mädel und ein Weibsbild, Franz. Für die genügt der Schreck. Wer weiß, womit der endet [3].

Щеки его задергались сильно, и, очевидно, вспомнив что-то более важное, он бросил:

— Es reicht, gehn wir! [4]

Сапоги прочавкали по пустынному двору. Свалилась где-то сосулька.

— Уйдем отсюда, мама,— сказала я.

— Уйдем, дочка, уйдем...

* * *

Вслед за портье мы поднимались по широкой лестнице в наш номер. Уж на сегодня-то программа интервью исчерпана полностью. В этом я была уверена. И в том, что мои слова в газете не появятся,— тоже. И в том, что я сказала, все правильно... А такое чувство не так уж часто испытываешь. Я шла чуть сзади и смотрела Наташе в затылок. Ни разу не крашенные, не знающие еще парикмахерской техники волосы. Несколько прядей вились. Традиционные девичьи завитки «крючочки для сердец». Хорошо бы им подольше сохраниться... Иногда хочется, чтобы девчонки повзрослели быстрее. А чаще, чтобы они так и оставались девчонками.

Я поравнялась с Наташей, чтобы увидеть ее глаза, и сказала решительно:

— Знаешь, Наташка, пожалуй, я выступлю с вами в Дортмунде. Пожалуй, так.

Она взглянула на меня и ответила невозмутимо:

— Конечно. Полина Григорьевна и вы. Мы все так и думаем.

Вот как! Ну что же. Волновалась я не оттого, что меня она назвала второй. В тот момент, честное слово, это не имело никакого значения.

Вот почему после Киля я очутилась на тренировочном сборе. Обычное событие за последние пятнадцать лет моей жизни.

А то, что у меня появилось время, необычно... Мне снизили тренировочные нагрузки.

— Вот видишь, Лариса... Пожалуй, и еще немножечко надо снизить...— так задумчиво сказал мне наш доктор Михал Михалыч неделю назад.

Мы сидели в неуютном дежурном кабинете диспансера в Лужниках. Столы здесь самые канцелярские. Белый халат нашего доктора совершенно с ними не гармонирует. Я смотрю на этот халат, а затем поверх лысеющей головы врача на стенд. Там кнопками прикреплены плакаты оказания первой помощи.

Мы здоровые до поры до времени люди. Когда же получаем серьезные травмы, нас лечат, оперируют, успокаивают врачи. А чтобы помочь избавиться от насморка и даже гриппа, оптимистом быть совсем не обязательно.

Но наступают и другие времена. Или же, как говорят некоторые, критические ситуации. Мы неожиданно срываемся. Неудачно выступаем. Не ладится тренировка. Мы теряем форму. Мы не верим в себя. Тогда для врачевания надо верить в нас. В наше будущее. Не делать вид, а верить. Ох, как это нелегко, когда идут дни неудач! И дни эти сливаются в сплошную полосу. И такую широкую, что кажется — одной ее не перебежать. Не преодолеть. Помогут? Не так уж много желающих идти с тобой по этой черной полоске. Даже поодаль.

— Михал Михалыч, вы оптимист?

— Собственно, пробы твои меня не волнуют... А как ты теперь спишь?

— Крепко, крепко. Когда засыпаю.

— Вот видишь, когда засыпаешь. Значит, еще немножечко снизишь. Я уже сказал Александру Семеновичу, он не против. До чемпионата еще достаточно времени. И все будет в порядке.

— А что «все», Михал Михалыч?

— Для тонуса попьешь еще одну хорошую микстурку. А снотворным увлекаться не надо. Верно?

Пожалуй, это оптимизм по должности. Снижу я нагрузки или увеличу, как это было два года назад, не так уж важно. Я ничего не прибавлю. А форма моя такая, что я буду прощаться с титулом чемпиона. И тем, кто тренируется рядом со мною, это ясно. И Михал Михалычу тоже. Только об этом не говорят вслух. Не принято. И я не буду.

— Так какую микстуру?

— Очень хорошую. Помнишь, перед Японией ты ее пила?

— Помню. Только я ее не пила. Я ее оставила в гостинице. На подоконнике.

— Вот видишь. На подоконнике. А ты ведь не девочка маленькая. Горькая, что ли... Ребячество.

Да, я не девочка маленькая. А он разговаривает со мною, как я со своей семилетней Танюшкой. Но через четыре месяца мне исполнится тридцать два года. Почему доктор говорит со мною так? Правда, он знает меня десять лет. И еще в нашей команде сейчас четыре гимнастки семнадцатилетние. А может быть, спорт делает нас инфантильными надолго?

Но сейчас дело не в этом. Я еще раз смотрю на плакат о первой помощи и говорю проникновенно:

— Михал Михалыч! Давайте побеседуем как два старых фельдшера. Без латыни и начистоту. Будто бы я ваш коллега. Вот вы кого-то послушали. Посмотрели пробы, анализы. Подумали. И говорите: «Знаете, коллега, осмотрел я Л... По этой наблюдаемой — общая картина такая... Особенно важным представляется...» И говорите, что вам представляется. Честно!

Продолжение. См. «Огонек» № 1.

[1] Этих людей уже нет. И не следует помнить о них.

[2] Понимаете вы теперь по-немецки? Собаки нет. Фото нет. О, я ничего не забываю. Похоже на п о р я д о к. Не правда ли, Франц?

[3] Если ты не собираешься стрелять, не размахивай оружием, Руди. Девчонка и женщина, Франц. Им хватит и испуга. Кто знает, чем он обернется.

[4] Достаточно, идем.

Михал Михалыч краснеет. Не очень. Но белый халат подводит. Сейчас начнет искать что-нибудь. Я-то тоже знаю его десять лет.

— Вот видишь. Сколько я их перетерял, этих авторучек. Ведь никаких денег не хватит. Привозишь. Даришь. У них живут годами. А у меня... Почему это ты меня назвала старым фельдшером?

— Чисто условно. Себя тоже. Вы врач... Ну даже если бы вы были профессором. Так говорится. Слышала где-то. Наедине медики так говорят друг другу. Когда они даже не на консилиуме. И говорят чистую правду.

— Сомнительные у тебя экскурсы в медицину. И главное, не пойму. О чем начистоту? Ты не больна. А человек когда-то устает. Любой. Вот это коснулось и тебя. И ничего страшного нет. Меры чисто профилактические. Да ты сама понимаешь. Усталость... Должно же это было произойти.

— Это я понимаю. Поэтому и сказала: два старых фельдшера.

— Сказала... И еще впереди две недели.

— А позади уже все. Все, что можно сделать. Это я о себе, Михал Михалыч. Медицина здесь ни при чем.

— Нет. Мы не самоустраняемся. Хотя и трудно сегодня с тобой говорить, Лариса.

Наконец-то он нашел эту ручку. Хороший «паркер». Металлический. Солидно им писать рецепты. Внушает доверие.

Предположим, я решила неверно. Задержалась по ошибке... Почему же другие со мною ее должны делить?

— Ладно, Михал Михалыч. Снизим объем. Будем пить микстуру. И не говорите, пожалуйста, коллегам: «У наблюдаемой Л... отрицательные эмоции».

— Я всегда храню врачебную тайну!

...После этого разговора прошла неделя. Микстуру, я конечно, не пила. А лес сделал свое дело: спала в эту ночь хорошо. И тренировка шла отлично. В последней диагонали я решила наконец-то не упрощать акробатику. Пора, пора наконец полностью выполнить вольные. Владимир Александрович стоял с Линой у брусьев, и я не стала звать его...

А Семеныч на сбор не приехал. Он-то не меняет решений.

Я и тренера-акробата не позвала: обойдусь без страховки.

Пришла на ноги после фляка точно. Дыхание не сбито. Поворот. Прыжок. Прыжок. Так. Все.

— Как вы считаете, Евсей Гдальевич?

Наш аккомпаниатор сосредоточенно протирает очки, склонившись над клавиатурой. Наконец водрузил артистические окуляры в тонкой оправе на нос. Поднял голову. Хорошо подготовленный одобрительный взгляд.

— По-моему, идеально. Нигде не подыгрывал тебе. И ритм и темп великолепны.

В этом зале, когда стоишь лицом к пианино, очень хорошо видны лица. Все черточки выражения. Вообще это светлый зал. Если бы совсем уже не перекрашивает его своим настроением. Может быть, действительно не все позади. Хотя бы вольные... Да нет, не хотя бы... Вольные для меня означают так много... Эта легкость... Меня-то она не должна обмануть. А впрочем. Каждая тренировка — это шаги по дороге к чуду. К чуду, которое от тебя зависит. Тренировки — это наши надежды. Мы верим эти два часа в себя. Значит, верим и в будущее. В моей жизни это повторяется уже много тысяч раз...

Я поправила волосы (эх, какие испытания они у нас терпят) и сказала очень бодро:

— Дыхание в полном порядке. Вот послушайте «Рояль был весь раскрыт...» и так далее.

Он улыбнулся.

— Что сыграть по случаю хорошего настроения?

Я села на скамеечку, и Лина очутилась рядом. Сейчас набегут девчонки.

— «Порыв» Шумана, можно?

— Разумеется. Исполним.

Вот нас и облепили на скамейке члены сборной команды СССР. И ученицы средней школы. Одновременно.

— Это ведь были ваши вольные, Лариса Семеновна?

— Да, девочки. Мои вольные. Давно, в пятьдесят седьмом году. Можете представить?

Тренировка уже кончилась. Надежды. Конечно, не сдаваться же я собираюсь. Но...

А сама думаю... Роберт Шуман говорил, что в жизни есть две трудные задачи. Первая: завоевать славу. Вторая: удержать ее.

Относительно славы он признанный авторитет. И насчет трудных задач... В них он тоже разбирался.

Что спорить. Первую задачу мы за много лет решили. И, наверное, сейчас я все сделаю, чтобы вторую задачу не решить. Наверное. И пусть. Мне не нравится холодное достоинство чемпионов. Тех, кто уходит раньше времени, но непобедимыми. В моем сознании это попытка возведения памятника себе... И все равно на его пьедестале не будет написано «непобедимый».

— Я помню пятьдесят седьмой год,— оживилась Оля Харлова.— Фестиваль в Москве. Недели две все вокруг было разноцветным-разноцветным. В основном я смотрела с балкона.

— Да, Оля. Все разноцветное. И все молодое.

— А я-то. Подумать только — мне восемь лет.

— Трудно представить. Скоротечна твоя молодость.

Мы посмеялись не очень громко. Впрочем, у Евсея Гдальевича вовсю прыгали очки.

— А «мини» начали носить после фестиваля? — спросила Зина Дружинина.

— Зина! Праздник дружбы, а ты про юбки,— укоризненно протянула Лариса Петрик.

— Это жизненно. Не будь ханжой.

— Вот не помню. По-моему, все-таки позже. Надо фотографии посмотреть.

Мы опять посмеялись. Так. Без повода. Просто тренировка хорошо прошла. Потом я поднялась. А девчонки моментально сдвинулись плотнее вокруг Лины.

...За два дня до отъезда в Дортмунд я сижу на кухне у Лиды. Со своей подругой я пью пиво и грызу воблу. Поскольку за многие годы практикой доказано, что пиво мне не вредит, угрызений совести я не испытываю. И Лида тоже: она не выступает уже три года. В квартире нас только двое: дети и мама Лиды еще за городом, а у Вали завтра игра в Ташкенте.

Время от времени Лида подпирает щеку рукой, совсем как ее мама, и смотрит на меня пытливо и немного жалостливо. Наконец она вздыхает и спрашивает:

— Ну как, Лора?

Если бы я знала, что ответить по существу!

— Великолепное пиво. И как это ты сумела воблу достать?

— Сумела, сумела. Прической когда займешься?

— Завтра. С утра пойду на Кузнецкий. А тапочки сошью на месте. Времени хватит.

— Девять дней?

— Девять.

— А сейчас-то ты успокоилась? Начертала план?

— План бесхитростный: по старой формуле — сделаю все, что умею. И как умею... А сегодня это не так уж много. Я же понимаю. И ты не вздыхай так грустно.

— А Лина как? (Лина моложе меня на два года. Но сейчас между нами нет существенной разницы. Нет разделяющей черты. Вернее, есть другая. Мы обе уже за чертою побед.)

— Лина... Думаю, что примерно так же. Иллюзий нет. Правда, я с ней на эту тему не говорила. Во-первых, мы вроде классные наставницы у школьниц. Только неофициальные. А во-вторых, нет охоты начинать такой разговор...

— Школьницы... Наташа-то в хорошей форме?

— Наташка... Она может сделать многое. Многое. У нее тренировка будит заложенное. То... То, что нужно. Как коротко об этом сказать. Тамара нынче бы произнесла: «Священный огонь».

Мы вспоминаем нашу ленинградскую подругу Тамару... Ее последнее увлечение — французский язык. Конечно, изучение языка — дело серьезное, но почему-то в этот момент мы смеемся вовсю. Даже бокалы прыгают на белом столе.

А затем мы замолкаем.

— Да, священный огонь,— уже серьезно повторяет Лида.— Когда он загорается, когда он потухает... И что же дальше, Лора?

А это уже не о Наташке, обо мне.

— Что же дальше? Честно, честно?

Я не знаю, что дальше. Уже сказала, что в Дортмунде — последнее. А дальше... Ну хоть в этом послушалась Семеныча. Ухожу, и все.

— Да куда же мы можем уйти от гимнастики? Будешь, как я, собирать девчонок. Одна слишком голенастая. Другая пирожные любит. Третья — всем хороша — двойка по арифметике. А ты должна зажечь этот вот огонь...

— А я не говорю — из гимнастики. Пока из сборной.

— Не понимаю, что это будет за команда?

— Лид! Ведь ты ушла. Команда осталась. Так и со мною и с Линой... Так всегда будет.

— Это очень философски: все течет, все изменяется.

— Ну и ладно. И еще хочешь, между нами?..

— Я же сказала!

— Вот я прочитала. Есть соловьи, которые поют только днем... Дневные. И только ночью. Ночные. А есть такие: как начнет петь — не останавливается, пока совсем, совсем не обессиливает. Знаешь, как соловья такого называют?

— Круглосуточный?

— Нет, Лидочка! Получше. Боевой!

— Да, действительно лестно. А когда он обессиливает... Что же? Падает?

— Вот не знаю. Хрипит, наверное. Ну а мы должны спеть.

— Только ты не волнуйся сейчас, Лора.

— Нет, лучше сейчас, с тобой.

— Со мною... Сама я уже не выступаю. Так, думаешь, жизнь спокойнее? Каждую неделю за Валю волнуюсь. Раньше хоть за тебя была спокойна. А теперь...

Валя — известный футболист. В редкие свободные дни мы присоединяемся к армии истинных болельщиков, отправляющихся на стадион. Ну, а у телевизоров болеем всегда.

— Лид! А ведь это хорошо, когда есть, за кого переживать.

— Хорошо? Постоянно — утомительно. А ты еще декаду будешь потихонечку перегорать. Знаешь, возьми воблы в пакетик.

«Чудесно. Это очень успокаивает. Потом я беру с собою шерсть и спицы. Как скажет Михал Михалыч: «Вот видишь, иглотерапия». Казалось бы, незначительное переключение. А ведь приносит пользу».

— Что будешь вязать?

— Платье. И как можно солиднее.

— Какого цвета шерсть?

Я засмеялась.

— Не голубая и не розовая!

— Ну и несмешно.

— Вспомнила кое-что, Лидочка. Потом мне хочется сегодня насмеяться вдоволь. Кто знает... Что дальше.

— Тогда смейся. Сегодня до упаду, а там в упор. Серьезно.

— Да в упор... А потом. Помнишь, в Риме нам рассказывали. В августе больше всего падает звезд. Вот я загадала и долго стояла ночью. Наверное, окно в пансионате какое-то неудобное. Ни одна не упала.

— А загадала хорошее?

— Так кто же загадывает плохое!

— Это главное. Как и раньше. А уж какая-нибудь звездочка упадет. Достать пива? Только совсем холодное.

— Доставай. Я не боюсь ни жары и ни холода. Это у тебя бокалы те — пражские?

— Те. Только пара осталась. Мои наследники побили. Рассматривали рисунки. Любопытные.

— Давай холодненького!

— Лорочка,— сказала Лида очень грустным голосом,— ты передо мною-то не хорохорься. И она опять подперла щеку рукой.

— Хорошо. Больше не буду,— согласилась я.

— Только походки своей не меняй!

И опять согласилась.

...Какой бы опыт в сборах вы ни накопили, за день до отъезда у вас масса дел. Когда-то я этому удивлялась, а потом смирилась. Как с тем, что неизбежно, что-то из вещей забываешь. Дома или в гостинице.

Итак, множество дел. С утра я поделила их на две части. Первая: дела совершенно необходимые. Дозвониться домой в Киев, где вчера почему-то никто не подходил к телефону. Прийти на собрание команды. Получить заграничный паспорт. Получить и подогнать форму. Рассказать девчонкам (в который-то раз), что из одежды брать с собой (и главное, чего не брать). Вторая: дела тоже важные... Заехать к Лиде и взять к спицам еще и крючок. «Два с половиной». И почитать в дорогу. Какую-нибудь книжку, которая уже не вернется. Купить одеколон «Лель», матрешки и другие сувениры. Позвонить Томке в Ленинград.

Также по опыту я знала, что все это будет не так уж просто выполнить. За паспортом придется приезжать два раза. Или костюм менять. Или матрешки будут гигантские. Или... Почти до конца дня казалось, что на этот раз обойдется без «или». Но... Когда я покупала форму, мне сказали в федерации, чтобы я зашла к руководителю делегации Борисову.

— Он просил до собрания.

Я кивнула и отправилась наверх.

Медленно поднималась я по широкой лестнице приарбатского особняка.

Когда-то он принадлежал Елисееву или еще кому-то из купеческих тузов Москвы. Людей, которые уже лет двадцать поднимались и спускались по стертым ступенькам вверх — вниз, эти исторические данные не очень-то интересовали. У них всегда имелось предостаточно забот и тревог.

Правда, после побед казалось: богиня Нике отдала тебе не только титул чемпиона, медаль и кубок, но и крылья, чтобы взлететь сюда...

Но ведь бывали и дни, когда подошвы особенно яростно стесывали мрамор. В трудную полосу богиня Нике не помогает. Имеешь дело только с людьми. В трудные дни самые сильные и ловкие люди на земле не могут обойтись на этой лестнице без перил. И если бы записать разговоры на ней в те и другие дни, то из мимолетных слов соткалась бы постепенно спортивная одиссея.

Но сейчас я не хотела бы добавлять к ней ни одной строчки.

Молча я прошла по лестнице. Вошла в приемную. Бдительная секретарша разговаривала сразу по трем телефонам. И вот пока она откладывала третью трубку, я боком проскользнула в дверь кабинета. Уж очень мне не хотелось ожидать.

А секретарши в этом особняке тонко разбираются в различных ситуациях. Наверное, профессор Бокарев еще не создал такой системы регистрации и информации о спортивной форме, какой уже обладают они. Для всех ты еще чемпион чемпионов, а девушка ласковым голосом просит тебя «чуть-чуть обождать». А вчера этого не было. Значит... Так как я избежала этого «чуть-чуть», Борисов сразу сказал своему заместителю: я позвоню. Тот ушел, а Борисов выбрался из-за стола, порядком заваленного бумагами, поздоровался и предложил мне занять место у маленького столика. А затем сел напротив. Честно говоря, эти приготовления мне не понравились. Доверительная обстановка. Доверительная... Десять лет назад мы шли на одном теплоходе из Мельбурна во Владивосток. Вместе ходили по палубе, вместе смотрели во все глаза на Южный крест. Улыбались ярким звездам. Ну и что же, нас было полтысячи. Для одних это было началом и дружбы и большего. Для других... Может быть, он обязывает себя выйти из-за стола перед неприятной беседой. Только-то!.. Сейчас скажет: «Вот ведь какое дело, Лариса... Решили мы перевести вас в запас. Седьмой. Думаю: вы поймете нас правильно».

А я не пойму правильно. Я этого сейчас вообще не могу понять. А может быть, разговор будет другим — о самочувствии, команде и так далее.

Я посмотрела на Борисова. Пожалуй, он здорово постарел. В Мельбурне он выглядел лет на пять старше меня. В Риме и Токио я не очень-то его разглядывала. А сейчас. Наверное, на десять. А я... Я тоже не молодею.

Так я и не могу избавиться от привычки заглядывать людям прямо в глаза.

У Борисова они серо-зеленые. Не очень-то добрые. Новомодный галстук. В тон костюму. Но... Не по возрасту.

— Вот ведь какое дело, Лариса.

Я взглянула на него почти торжествующе.

— Какое же, Дмитрий Леонидович?

— Настроение-то бодрое?

— Пока. Ве-ли-ко-леп-ное.

— Прекрасно. А «пока»... Это намек, что я хочу его тебе испортить? Шла ко мне, перебирая, какие неприятности последуют?

— Возможно.

— Нет. Понимаешь ли, невозможно. Но я хочу выяснить один вопрос. Как ты относишься к обязанностям без прав?

Я подумала немного и сказала:

— До сих пор у меня в спорте это все сливалось. Я как-то границы не проводила.

— Вот и не проводи.

Зазвонил телефон. Борисов встал и, не поднимая трубки, долго переключал какие-то клавиши.

А я смотрела вниз. Здорово начищен у него в кабинете паркет. Права и обязанности. Ну и вступление.

Он справился с телефоном и мимоходом приоткрыл окно. И сразу стала слышна домажорная симфония Скрябина. Музыкальное училище находилось в семидесяти метрах от нас.

— Так вот,— сказал Борисов очень скучным голосом,— есть одна просьба. Присмотреться как следует к нашей команде. И к другим командам. «Посмотреть да посравнить», как говорили классики.

— Когда? — почти механически спросила я.

— Сейчас в Дортмунде.

— А выступать?

— Конечно, выступай... Я же говорю: просьба. Попробуй совместить.

— А если не получится?

— Так ты сначала попробуй.

— Если я не смогу?

— Ну что же,— сказал Борисов, чуть оживившись,— значит, не сможешь. Сегодня нет, завтра — да. Существует ведь и завтра.

— А сегодня это дело тренеров. Не пойму, как это будет выглядеть. И как к этому отнесутся?

— Прекрасно будет выглядеть и хорошо отнесутся.

Он встал.

— Как я слышал, вы выступаете в последний раз...

(Вот как, уже вы!..)

— Дмитрий Леонидович, вот и дали бы вы мне выступить спокойно.

Неожиданно Борисов улыбнулся.

— Так я этого и хочу. Ты просто в свободное время будешь ходить, смотреть, думать.

— В каком же направлении?

— Какой должна быть команда — раз!..— Он хотел загнуть палец, но раздумал и постучал им по столику.— Значит, раз... Что нужно делать для того, чтобы она стала такой — два...

— Какой?

— Какой? Вот это ты нам и скажешь. Какой? Хорошей. Отличной, непобедимой. Опыт имеется. И, в-третьих: кто может это сделать. Кому с командой работать?

— Дмитрий Леонидович — это глобальные проблемы!

— А ты начинай с частного. Вот мы и договорились принципиально. И настроение у тебя хорошее. Правда? Главное — начать. Ввязаться в бой, как говаривали великие.

— Великие,— протянула я.

Я вышла из особняка. До собрания еще больше часа. Пообедать? Я дошла по переулку до училища. До-мажорная симфония уже не слышна. Зато скрипка на втором этаже запела концерт Мендельсона. Я зашла во двор и быстро нашла себе местечко. Почему-то здесь стояли не очень старые парты. Я уселась на одной из них.

Писали, что композитор сочинял этот концерт в хорошем настроении. Или, как говорят, в «добром расположении духа». А еще в те годы Роберт Шуман — другой композитор, который вошел в мою жизнь, приезжал к нам в Россию.

Ах как давно это было! И как по-прежнему велика власть тех звуков, что несутся сейчас со второго этажа обычного московского дома! И как некстати мне сейчас эта захватывающая сладкая боль! Но разве песня скрипки, встреча, о которой помнишь всю жизнь, печальное расставание спрашивают нас: «Когда?» Они приходят — и все тут. Приходят, и не избежать их.

...Я подняла голову и увидела рядом с партами мальчика лет одиннадцати с нотной папкой в руках. Он смотрел на меня с интересом, наклонив белобрысую голову.

— А я за ней сидел до ремонта,— сообщил мальчик и погладил парту.— Меня зовут Вадиком.

Концерт Мендельсона окончился. Почти час прошел...

— Трудновато здесь учиться? — спросила я.

— Конечно. Нелегко,— солидно подтвердил он.

— А на скрипке кто играл, знаешь?

— Знаю. Лелька. То есть она не то чтобы моя знакомая. Ей уже шестнадцать. Туфли на высоких каблуках, то да сё...

— Играет она хорошо, Вадик.

— Школа есть,— вновь солидно сказал мальчик.— А вы из «Гнесиных»?

— Нет. Я просто шла... Услышала, вот и присела.

— Где-то я вас видел?

— Да, здесь. В переулке этом.

— А,— заметно оживился он,— вы Яшина знаете?

— Немного.

Вадик посмотрел на меня с уважением.

— Как он, после Англии не очень расстраивается?

— Не знаю. Не видела его. Но, по-моему, он сыграл хорошо. По-моему, лучше было невозможно. Значит, особо горевать не приходится.

Мальчик Вадик посмотрел на меня удивленно и помахал папкой.

— А я вот — проиграю хоть в футбол, хоть в шашки, ужасно расстраиваюсь. У меня повышенная возбудимость. В футбол уже приходится так, потихоньку... Запрещают.

— Ты что же, по классу скрипки?

— Виолончели... Только до нее еще много всего.— Он вздохнул и добавил: — Вы заходите.

— Обязательно,— пообещала я.

...Вечером я сижу одна. Не спеша пришиваю большие белые литеры на голубой костюм. Три буквы «С» и одна «Р». Словно опять учишься в школе и выводишь их потихонечку. Даже в младших классах знаешь — их надо писать красиво. Ведь когда они вместе, получается название твоей страны.

А когда ты вырастаешь и надеваешь форму, на которой написано «СССР», ты уже хорошо знаешь, что стоит за этим словом. Значит, будешь бороться, сколько хватит сил. И еще сверх сил.

Продолжение следует.

Семьдесят пятый сезон МХАТа — это прежде всего слава мастеров, неповторимые таланты, самоотверженное служение родной сцене... Отмечая юбилейную дату, мы публикуем рассказ народного артиста СССР Бориса Николаевича Ливанова о творчестве, о работе в театре, записанный незадолго до кончины выдающегося актера.

ЛИ

Н. АЛЕКСЕЕВА

Уникальный кадр из фильма «Свет над Россией» (сценарий Н. Погодина, режиссер — С. Юткевич). В роли Маяковского Б. Н. Ливанов.

Широкими, стремительными шагами Ливанов ходит по своему кабинету, временами смотрит в окно, говорит как бы между прочим:

— Сейчас это улица Горького. Когда-то Тверская была уже и ниже. Дома — ниже. Вон там часто хаживал Маяковский. Почему-то всегда по самому краю тротуара... Есенин — в цилиндре и полосатом шарфе... Вы спрашиваете, как я пришел во МХАТ?..

Борис Николаевич усаживается в кресло и продолжает:

— Произошло это в двадцать четвертом году. Случилось так, что почти одновременно я получил приглашение и от Мейерхольда — работать в его театре. Должен был решить: куда же идти? С Мейерхольдом, большим другом и учителем моим, было бы, конечно, необычайно интересно. Но Станиславский... Я и теперь не нашел бы слов, чтобы выразить чувства, которые испытал, переступая порог МХАТа...

В театр меня принимал Владимир Иванович Немирович-Данченко. Он поручил мне роль Чацкого, и я ужасно перепугался. Особенно когда перед первой репетицией прочитал список актеров — участников спектакля. Играть должны были Станиславский, Качалов...

ВАНОВ

Мемориальная доска установлена на доме, где с 1938 по 1972 год жил Борис Николаевич Ливанов.

Не спал я перед репетицией всю ночь. А когда подошел к театру, не решался войти. Опоздал, конечно, сказал, что часы не в порядке... После репетиции Станиславский долго ходил со мной по коридору, обмениваясь впечатлениями. Потом Константин Сергеевич вдруг сказал, что подарит мне новые, исправные часы... И все-таки я не смог выступить в роли Чацкого, играл в спектакле эпизодическую роль, а к образу героя грибоедовской комедии возвратился только в 1940 году. К тому времени у меня появился некоторый опыт, я уже догадывался, как надо играть Чацкого...

Из ящика стола Ливанов вытаскивает кипу фотографий, писем, газетные вырезки и какие-то другие бумаги; среди них несколько страничек машинописного текста, заголовок «Рождение актера», а над ним красным карандашом — имя автора: С. М. Эйзенштейн.

Борис Николаевич снова начинает ходить по кабинету, а я не могу оторваться от этой необычайной рецензии. Вероятно, никто не удержался бы от того, чтоб не воспроизвести из нее хотя бы несколько строк.

«Это не актер Ливанов родился. Так можно было бы писать о юном дебютанте... А Ливанова, народного артиста, орденоносца (и не раз), знают по театру, знают по экрану, любят давно...

И все же это — рождение актера. И рождение большее, чем если бы родился новый тип актера.

А может быть, возродился? Тип потерянный. Утраченный. Забытый и обойденный. Настоящий, долгожданный тип подлинного романтического актера. Актера пламенного и захватывающего. Актера, влюбляющего в себя, увлекающего и отдающегося зрителю. Актера, несущего мысль неотрывно от пламени страсти».

Это всего лишь фрагмент из рецензии Эйзенштейна, написанной им после просмотра во МХАТе спектакля «Горе от ума».

А Борис Николаевич рассказывает дальше:

— Сыграл я много ролей. Разных. Больших и малых, но всегда интересных... Я счастлив, что учителем моим был Станиславский! Не раз он говорил мне, что самое страшное, когда актер остается в плену своих физических данных и не пытается выбраться из их плена, исполняя роли одни и те же по своему характеру. Благодаря наставлениям Константина Сергеевича мне удалось пройти в своем творчестве через характеры самые разные — Кассио, граф Альмавива, Швандя, Чацкий, Астров... И после уже никакие образы меня не смущали.

Тут Борис Николаевич, взглянув в мою сторону, быстро сказал:

— Знаю, знаю,— вы сейчас, конечно, спросите, есть ли у меня любимая роль, самая любимая! Так ведь? — И сам же ответил: — Да нет у меня такой роли! Нет! Думаю, что для любого актера, художника, поэта любое его произведение любимое. Каждая роль, каждое произведение — родное дитя художника. И каждое дает — и людям и самому художнику — что-то новое. Искусство актера для меня та сложность, на которую натыкаешься, когда хочешь раскрыть все богатство внутреннего мира человека, не отделяя радости от горя, добра от зла... В частности, я не понимаю, как можно «разделить» интеллект и эмоциональность. К примеру, как можно отнять эмоциональность у образа Владимира Ильича Ленина, сохраняя только его мудрость... А это, увы, стало в сегодняшнем театре и кино явлением нередким, хотя Ленин — личность феноменального размаха.

Вот я сказал, что у меня нет любимой роли. И это правда. Говорить же о каком-то «излюбленном характере», который я предпочел бы всем остальным, трудно. Но все-таки можно, конечно, найти некую главную линию в моих исканиях... Видимо, это определенное тяготение к образу современника. Он был всегда мне близок. Всю жизнь я ищу образ, где был бы как можно полнее воплощен положительный герой нашей эпохи...

— Значит, поиски эти идут через встречи с подлинными героями эпохи, иными словами, с прототипами? С живыми людьми, которые помогают вам в лепке характеров?

— Да,— отвечает Ливанов решительно.— И такие встречи происходят постоянно, начиная с одной из первых ролей — казаха Хусаина Кимбаева в пьесе Афиногенова «Страх», сыгранной в 1931 году... Я долго репетировал эту роль дома, один. Но дело продвигалось плохо. Нужен был живой человек. Только он мог помочь мне найти образ Кимбаева. Тогда я познакомился в одном институте с аспирантом — казахом, очень похожим на моего героя. Не выдавая ему своих намерений, стал наблюдать за ним, за его жестами, манерой разговаривать... А когда накопились определенные наблюдения, я смог репетировать и на сцене — мог уже развивать дальше авторскую характеристику Кимбаева. Короче, настолько вжился в эту роль, что и за порогом театра не переставал чувствовать себя Кимбаевым!

То же самое было с образом матроса Шванди в пьесе Тренева «Любовь Яровая».

В детстве я очень хотел стать моряком. Это у меня, как видите, не получилось. Но в театре и в кино я сыграл моряков множество раз. И всегда особенно волнуюсь, когда приходится встречаться с ними и в жизни и на сцене.

Когда впервые познакомился с матросом Швандей, захотелось сделать его значительнее, серьезнее, сохранив в то же время лукавое обаяние и задор. Я благодарен Треневу, который помог мне, переделав и добавив некоторые эпизоды. Именно тогда появилась знаменитая сцена, где Швандя, спасаясь от расстрела, обнаруживает себя не только балагуром и забиякой, но еще и преданным, сильным борцом революции...

В процессе работы мне понадобились встречи и беседы с участниками гражданской войны. Приходилось изучать историю, посещать музеи, выставки. И вот получился Швандя,— человек, всем нам близкий. Зал никогда не оставался к нему равнодушным. Мне особенно памятна «Любовь Яровая» во время гастролей МХАТа в Париже. Они проходили незадолго до начала второй мировой войны. Обстановка была грозная, и могучие страсти потрясали зал. Кто-то аплодировал красным, а кто-то, напротив, приветствовал героев противоборствующего лагеря... Наши гастроли совпали с историческим перелетом Громова, Юмашева и Данилина через Северный полюс, и славные летчики присутствовали на том памятном вечере. А в них я тоже видел своего Шванди!

После Шванди много было сыграно ролей современников, но особенно дороги мне генерал Огнев в пьесе А. Корнейчука «Фронт» и Рыбаков в «Кремлевских курантах» Н. Погодина. Они — детища Отечественной войны...

В начале войны наш театр был эвакуирован, но вскоре возвратился в Москву: об этом мы просили Сталина. А когда вернулись, немцы стояли еще ближе к столице, чем перед нашим отъездом, и мы очень боялись, что нас отправят назад...

Ливанов волнуется. Записывать трудно. Хочется слушать его, не отрываясь.

— Для меня,— говорит он,— театр замечателен тем, что тут находят место все виды искусства. Работа художника и актера, режиссера и композитора... От сочетания этих богатств, от их гармонии зависит удача. В их синтезе — идеал Художественного театра.

ПИСЬМО К. С. СТАНИСЛАВСКОГО

Б. Н. ЛИВАНОВУ

Милому и любимому артисту, хорошему человеку.

Кому много дано, с того много и спросится. Отвечайте мне, что Вы сделали с Вашим прекрасным талантом? Поняли Вы главные основы искусства? Изучили Вы их? Знаете ли Вы, что единственная радость в нашем деле — познавание творческих тайн органической природы? Подсказал ли Вам талант, что театр во всем мире кончается навсегда; что уцелели единицы, еще знающие, что такое искусство. Таких единиц, знающих кое-что об искусстве, больше чем где-нибудь в нашем театре. Это обязывает его ко многому. Но и эти единицы стареют и уходят от нас, а с ними уходит и русское искусство артиста. Не пропустите их, чтоб тайны нашего дела не оказались навсегда схороненными. МХАТ — призван спасти мировое искусство. За неисполнение этого указа судьбы ответите Вы, оставшиеся в живых молодые последователи. Если это Вам удастся — Вас ждет Слава. Нет,— Вас заклеймит позор.

Не теряйте времени! Бросайте все, учитесь снова, все очень отстали; искусство открывает все новые законы!

Пришло последнее время.

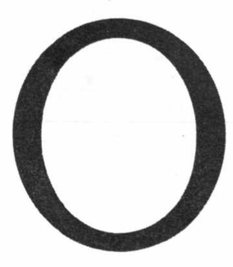
Вы один из тех, об котором я думаю, когда мне мерещится судьба театра, в небывало прекрасных условиях для его расцвета,— в нашей стране.

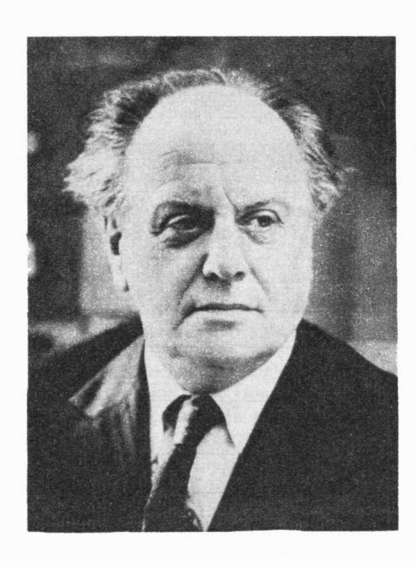
Любящий и надеющийся на Вас
К. Станиславский.
8 VII 36.

(Публикуется впервые).

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

П

1

Давно не виделись. Читатель, здравствуй.
Не удивляйся, коль на этот раз
О некотором царстве-государстве,
Скрыв место действия, начну рассказ.
И время действия, пожалуй, скрою,
Но ты поймешь, что это наши дни.
Я изменяю имена героев,
Но знай, что не придуманы они.

В Америке Латинской или Южной
С одним из них мне встретиться пришлось,
Ну, а потом в Москве, седой и вьюжной,
Морозами пронизанной насквозь.
Я помню, как, дрожа и зеленея,
Мой брат-креол, товарищ боевой,
Нахохлившись стоял у Мавзолея
В моем пальто и шапке меховой.

Я чувствовал: он счастлив и несчастлив
Вдали от схватки и своей беды.
Чернели на его худых запястьях
Стальных браслетов мертвые следы.
Беседуя о том, как беспокоят
Известия с пылающей земли,
Мы в нашем доме над Москвой-рекою
Последний вечер вместе провели.

Шутили, жарили сайгачью ногу,
Студили водку кубиками льда.
Но не сумели заглушить тревогу
Разлуки на года иль навсегда.
Как жаль, что ты так скоро уезжаешь!
Но знаю, впереди последний бой.
Скажи, что подарить тебе, товарищ?
Что хочешь ты и можешь взять с собой?

Изображенье Ленина стояло
Передо мной на письменном столе.
Дарю его тебе! Пора настала
Ему пройти и по твоей земле.

...Мой друг вернулся с ленинским портретом
Домой (в том смысле, что в свою страну),
А если не зашел к жене и детям,
Я в черствости его не упрекну,
Я помню, и у нас, когда солдаты
На запад боем пробивали путь,
В слепые стекла материнской хаты
Порой не успевали заглянуть.

Как не понять отчаянья и боли
Солдата одиночного во тьме:
Вернувшись, оказался он на воле,
А весь Центральный Комитет — в тюрьме.
Функционеров перебежчик предал,
Жестокая и слабая душа.
Теперь диктатор празднует победу,
С бесстрашными расправиться спеша.
Как белая казенная бумага,
На коей отпечатан приговор,
Смертельно бел застенок Мадарьяга,
И солнцем выбелен квадратный двор.
Завоеванья обветшалый эпос —
Четыре круглых башни и стена.
Испанцами поставленная крепость
В казарму и тюрьму превращена.
Близ кованых ворот лежат, как чушки,
Когда-то снятые с корветов пушки,
А к ним, чтобы внушительнее вид,
Запасы ядер в форме пирамид.

Но этой стариной, сырой и сонной,
Сегодняшние правят времена:
Сигнальною системой электронной
Военная тюрьма оплетена.

Объявлено, что сорван бунт рабочих,
Что заговор опаснейший раскрыт.
Пускай теперь безмолвье одиночек
Безумцев-коммунистов отрезвит.
Ну, а они надменнее, чем камень:
У каждого отдельный кабинет,
И, перестукиваясь в стены камер,
Работает Центральный Комитет.

2

Беспросветно темно.
Далеко до побед,
А пока решено,
Что побег!
Но из крепости этой —
Свидетелем бог —
Убежать ни один бедолага
Не смог
За сто лет...
Или нет,
За три века
Ни единого человека.

Это ясно —
Задача совсем нелегка,
Но уйти из тюрьмы
Поручает ЦК
Молодому товарищу,
Секретарю,
Человек этот — страха не знающий,
Я ответственно вам говорю!
Он обязан уйти!
Он сумеет бежать!
Где лазейку найти?
Как решетки разжать?
Он впервые попал
В этот каменный гроб,
Он читал,
Что вернейшее дело — подкоп.
Ожидают
Ухода солдат в темноту,
Поднимают
С тюремного пола плиту.
Это способ старинный —
Надо землю скрести,
При свече стеариновой,
По горсти, по горсти!
А с рассветом плиту
Вновь поставят на место
И следы заметут,
Чтобы все незаметно.
Так бежали когда-то,
В истории, встарь.
Не надеясь на бога и черта,
Но крепки казематы,
И тебе, секретарь,
Так не выйти из старого форта.
Перестук, перестук, перестук,
Разговор через стены,
Как загадка для всех электронных наук,
Для тюремной сигнальной системы.
Нет! Подкоп из тюрьмы отменить—
Устарело!
Пусть на волю протянется нить —
Впереди настоящее дело:
К счастью, наши в тюрьме оказались не все:
Есть подпольщик — дадим ему имя Хосе,
Пусть Хосе...
Он вернулся недавно в страну
И, оставив в безвестье детей и жену,
Скрылся в маленьких ранчо — в домах бедноты,
Иногда появляется из темноты,
Но в обличье таком, что ни дети, ни мать
Не смогли б ни узнать его, ни опознать.
Вот ему и придется заняться всерьез,
О спасенье ЦК подработать вопрос:
Из тюрьмы Мадарьяга, откуда
Вырвать узника может лишь чудо.

3

Ежами кактусов прикрыв подходы,
На пустыре маячила тюрьма,
Но город разрастался. В наши годы
Со всех сторон к ней подошли дома.
Шестнадцатиэтажная контора
Компании дочерней нефтяной,
А к ней впритык — доходный дом, в котором
Зарежут запросто порой ночной.
Лабазы, неказистые лачуги.
Открыты ставни — видно все внутри,
С верандами, как принято на юге,
С бамбуковой гардиной на двери.

Там, в переулке, где белье, как флаги,
Протянуто с балкона на балкон,
Товарищ, там плацдарм твоей отваги,
Там подвиг твой сокрыт и затаен:
Сеньор, недавно прибывший в столицу,
Приобретает лавку и гараж.
Успел хозяин прежний разориться —
Кому и что здесь выгодно продашь?
А этот, новенький, видать, мечтатель,
Торговлю он рискует продолжать —
Двух слуг из безработных нанял, кстати,
Их поселил во мраке гаража.

Весь день вопит магнитофон веселый,
А лавочник — лишь музыкой богат —
Во льду сбивает виски с пепси-колой
И по дешевке потчует солдат.
До крепости отсюда метров двести,
Молчать умеет воинская часть,
А все ж доходят кой-какие вести
От узников, сквозь стены просочась.
Беспечный человек, купивший лавку,
Не слушает солдатской болтовни.
Дела пошли как будто на поправку
А это редкий случай в наши дни.
Вдруг оказалось прибыльным соседство
С тюрьмой... В итоге месяцев шести
Уже сеньору, кажется, по средствам
Грузовичок при лавке завести.

Не интересно никому в округе,
Что в сумерках на нем из гаража

БЕГ

СОВРЕМЕННАЯ ЛЕГЕНДА

За провиантом выезжают слуги,
Бутылками пустыми дребезжа.
Вдыхая горьковатый запах винный,
Хозяин снарядит машину в путь
И на свою жилую половину
На полчаса уходит отдохнуть.
Там тоже этот запах горьковатый,
Безмолвие и сумрак даже днем,
Железная конструкция кровати,
Комод старинный и портрет на нем —
Глаза с прищуром, лоб крутой, как глобус,
Упрямых скул решительный зигзаг.
Какая гордая высоколобость!
Какая вера в суженных глазах!
Один из лучших ленинских портретов,
Который сделан в дни октябрьских гроз.
Сквозь три войны и восемь пятилеток
Я эту фотографию пронес.

4

Шофер невозмутимый
Согнулся, и притих,
И проезжает мимо
Постов сторожевых.
Слуга сидит с ним рядом,
Гони! Гони! Гони!
Опять за лимонадом
Отправились они...
Но за город и в горы
Спешит грузовичок,
И нарастает скорость
На дисках, как волчок;
Вдруг тормоз у откоса
На резком вираже,
И задние колеса
Над пропастью уже.
Дороги сбилась лента —
Какой опасный спорт!
Слуга одномоментно
Опустит задний борт.
Короткий взмах лопаты,
И, горечью пыля,
В ущелье будет падать
И сыпаться земля.
Окончена разгрузка,
И, прикрываясь тьмой,
Дорогой горной, узкой
Они спешат домой.

А утром на щеколду
Гараж закрыт опять.
Бутылки с пепси-колой
Патрон велит подать.
Ему, должно быть, скучно,
А то зачем бы он
На полную катушку
Включил магнитофон?
Ах мамбы, румбы, самбы,
Скорлупки кастаньет.
Я танцевал и сам бы,
Да только силы нет.

Пока идет торговля
И танец без конца,
Два парня полуголых,
Два друга, два бойца
Совком, лопатой, ломом,
Руками и ножом
Подкоп ведут под домом,
Под старым гаражом.
Земля — песок и камень —
Парней бросает в раж,
Бумажными мешками
Заставлен весь гараж.

Лишь в сумерках, нескоро
Грузовичок промчит
Крутой дорогой в горы
И скроется в ночи.
Откроют торопливо
Дощатую корму,
И вновь земля с обрыва
Посыплется во тьму.

5

С той поры, как вернулся мой друг из гостей,
Очень мало о нем достоверных вестей.
Знаю, что в кандалах руководство ЦК,
Знаю, что и судьба остальных нелегка.

Но бастуют нефтяники черных озер,
Но студенты ведут нескончаемый спор,
Из-за гор поднимается огненный круг —
И листовки лежат на порогах лачуг,
А на стенах то краской, то просто золой
Воротник, и пенсне, и приписка: долой!
Стонут сыщики — извести перерасход!
Президент полицейскую сводку прочтет,
Воротник генеральский вдруг станет тесней,
И сожмет переносицу дужка пенсне.
Есть две силы в пылающей этой стране,
По своей несвободе — почти наравне:
Есть диктатор в большом президентском дворце,
У себя самого как в плену, как в кольце,
И ЦК коммунистов — в старинной тюрьме,
В одиночестве камер, в удушливой тьме.

Тут и там карабинеры службу несут,
Тут и там неизбежен истории суд.
Но у тех, кто в тюрьме, преимущество есть —
Остается свободной плененная честь.
Тут похлебка гнилая, там тонкий обед,
Впереди — тут и там — неизбежен побег,
Хоть из этого форта, свидетелем бог,
Убежать ни один заключенный не смог,
Но зато из дворца от ареста за час
За рубеж президенты бежали не раз.

Есть две силы... А главная сила — народ,
И в рядах его ныне — опасный разброд.
В дикой сельве, в ущельях отчаянных гор
Бесполезно чадит партизанский костер,
Чтобы силы и жизни не тратились зря,
Из тюрьмы надо вызволить секретаря;
Он проверит наличие кадров и сил,
Он остудит, коль надо, мальчишеский пыл,
Объяснит, сколько могут наделать беды
Раньше времени сорванные плоды.

...Не всегда побеждают атакою в лоб,
Не из крепости — в крепость ведется подкоп...

6

Приходилось ли тебе копать туннели
В черной темени, забыв про белый свет?
Кое-что я понимаю в этом деле
И скажу, что тяжелей работы нет.
Докучать воспоминаньями не стану,
Как мы строили Московское метро,
По другому это делалось уставу.
И теперь уже достаточно старо.

Новый подвиг не сравнить с веселой жаждой
Беззаботных комсомольских запевал:
Каждый шаг здесь угрожает смертью дважды —
Ведь провал еще опасней, чем завал.
Здесь в забое не бригада — только двое
Роют землю дни и ночи напролет.
Нависает темный свод над головою,
Из клоаки трупным запахом несет.

Эти парни для родителей исчезли,
Для товарищей пропали без следа,
Под землей сегодня их дорога чести,
Исступленное отчаянье труда.
А зовут их как? Роберто и Диего,
Мир не видит их креольской красоты.
Для туннеля, для подкопа, для побега
В землю жизнь они зарыли, как кроты.

Роют, роют, а победа все не скоро.
Вот осыпались и осень и зима.
За полгода прокопали метров сорок,
Натолкнулись на старинный каземат.
Там скелеты в кандалах лежат на камне
И, оскалившись, смеются черепа
Над тянувшимися медленно веками,
Чья история на радости скупа.

Это призраки! Ребята, не робейте!
Пострашнее современные дела.
Черной кровью густо харкает Роберто,
У Диего боль в суставах, как игла.
Гнутся тени их в лучах карбидной лампы,
Будто каждый от рождения горбат.
Только румба, только самба, только мамба
Заглушает острый скрежет их лопат.

На закате, заложив плитой отверстье,
Грузовик свой до отказа загрузив,
Едут за город пропавшие без вести
Под веселый оглушительный мотив.
В переулке снова обыск и облава —
Ходят слухи, что готовится побег.
Полицейских бесноватая орава
Ищет трех давно пропавших человек.

Но, конечно, не внушает подозренья
Этот лавочник, веселый дон Хосе.
Он дешевое подносит угощенье,
Вечно крутится, как белка в колесе.
Вьются мамба, румба, самба, буги-вуги...
Пьет за стойкой капитан, тюремный страж...
Вот приехали, внесли корзины слуги
И без ужина уходят спать в гараж.
Но едва закроют легкие ворота,
В подземелье опускаются опять.
Снова мамба, самба, румба и работа,
Словно клад они решили откопать.

И еще проходит медленно полгода,
Но все так же далеко маячит цель.
Метров тридцать пробуравленного хода.
Да не сбился ль с направления туннель?

От товарищей отчаянье не скрою —
Страшновато пробиваться в глубь земли.
Я в герои не ряжусь, но тоже рою,
Посчастливится ль увидеть свет вдали?

Очень душно и темно в моем забое,
Запах газа поднимается со дна.
С нашей верой, с нашей праведной борьбою
Из религий не сравнится ни одна.

Меркнет всех великомучеников стойкость
Перед мужеством, открывшимся теперь.
Кто бы вытерпел безумных пыток столько,
Кто бы вынес столько горя и потерь?
Исступленно роют двое в преисподней,
Роют двое в царстве мрака и теней,
Продолжением трагедии народной
На два года растянулся их туннель.

7

Дон Хосе включает музыку:
«Поцелуй меня, сеньора».
Эту песню слышат узники,
Значит, близко, значит, скоро.
В увлеченье, в исступленье
Метр за метром умножая,
Собственной свободы пленники
Колют мокрый грунт ножами.
Как тореро, опьяненные
Воплем толп и стоном бычьим
И коленопреклоненные,
Как велит коррид обычай,
Колют землю два товарища,
Бьют наотмашь, без разбора.
Наступил момент решающий,
«Поцелуй меня, сеньора».

А жандармы что-то вызнали.
Пусть побег — мечта, нелепость,
Но вчера два танка вызваны
Так, на всякий случай, в крепость.
А под ними, под булыжником
Роют двое, роют споро.
Крутит самбу лавка ближняя —
«Поцелуй меня, сеньора».
На полу девятой камеры
Вдруг слегка сместились плиты.
Секретарь и двое замерли,
Нетерпеньем общим слиты.
Ну, еще одно усилие!
Черт возьми, коленки в дрожи.
Сможешь ты своих спасителей
По плечам похлопать позже,
А пока — ни слова лишнего,
А точней — совсем ни слова.
Что там про свободу личности
Щелкоперы пишут снова?
Личность провела в наручниках
Как-никак четыре года,
А сегодня ей поручена,
Ей доверена свобода.

Кровью все счета оплачены,
И прицел намечен дальний.
Партия тебя назначила,
Комитет решил Центральный.
Проводили в жизнь решение
Рядовые коммунисты,
В добровольном заточении
Роясь в грунте каменистом.
И вопит все громче радио:
«Поцелуй меня, сеньора».
В ощущенье дикой радости
Входит грусть подобьем спора.
У людей бывают странности,
Объяснимые едва ли,
Вроде чувства благодарности
К тем местам, где мы страдали.
Вот уже плита приподнята —
Пальцы снизу, словно корни.
Опускайся в преисподнюю
По возможности проворней.
В грязной горловине узкого
И сырого коридора
Секретарь ползет под музыку
«Поцелуй меня, сеньора».

8

Моя легенда близится к концу,
Бывало прежде, что на этом месте
Друзья коня подводят беглецу,
Под молниями скачет он к невесте.
За ним погоня, всадники, пальба,
Молитва, обручение, дорога.
Поможет бог, и выручит судьба.
А как же, если мы не верим в бога?

И вот вам современный эпилог:
Открыта лавка в час сиесты сонной,
Из гаража кривой грузовичок
Вдруг выезжает в город раскаленный.
Один слуга склонился над рулем,
Другой и дон Хосе сидят с ним рядом.
Не в срок они отправились втроем
За пепси-колой и за лимонадом.
Наверное, причиной духота,
Вот в кузове — трезвон пустой посуды.
За перекрестком улица пуста,
Как подобает в это время суток.
У входа в крепость стражники сидят
На каменной скамье и безразлично
За редкими прохожими следят.
Все очень страшно, грустно и обычно.
Диего так небрежно держит руль,
Роберто дремлет, явно бесполезен.
А если остановит их патруль
И сдуру в кузов шуровать полезет?
На горный перевал недолог путь,
Там встретят наших беглецов и спрячут.
Должно же повезти когда-нибудь,
Не может быть, чтоб только неудачи!

Смерть не такая страшная беда,
Мы все в глаза ей много раз глядели.
Но годы сумасшедшего труда,
Но партия, чьи силы на пределе!
Июлем улицы раскалены.
Шоссе блестит, как чешуя удава.
Как памятник испанской старины
На выезде — военная застава.
Ступнею — до предела на педаль!
Бензин, как кровь родной земли, в моторе!
Как долго атаманила беда.
Как беспощадно бесновалось горе!
Гони! Сегодня праздник наш! Гони!
Дурманы сельвы обоняние дразнят.
Что впереди? Еще труднее дни,
Облава, пытки. Но сегодня — праздник!
Сегодня праздник! В кузове, на дне,
Под серой грудой ящиков картонных
Лежит известный всей своей стране
Вожак — один из самых непреклонных...

Ну, вот и все! Машину в пропасть. Вмиг
Пустынной стала горная дорога.
А в крепости смятенье, звон и крик,
По радио объявлена тревога.
Не может быть! Но камера пуста...
За это — к стенке персонал тюремный.
В полу одна шатается плита,
Под ней — дыра, а дальше — ход подземный.
Невероятно! Но подземный ход
Реально дышит сыростью и смрадом.
Охранников он в лавку приведет,
Верней, в гараж, который с лавкой рядом.

9

А в лавке музыка играет бойко.
Черт побери! Каррамба! Обыскать!
За узким залом, где скамьи и стойка,
Каморка — там железная кровать.
Скупая обстановка не по моде,
Безмолвие, прохлада и покой,
И в деревянной рамке на комоде
Стоит портрет... А это кто такой?
Глаза с прищуром, лоб крутой, как глобус
Упрямых скул решительный зигзаг.
Такая гордая высоколобость
Годится для зачинщика атак.
Весь дом вверх дном. Охранная ватага,
Беснуясь и горланя, ищет след.
А говорят, из форта Мадарьяга
Никто не убежал за триста лет.
Портрет изъять... Его мы ищем тоже,
Побег не он ли организовал?
В погоню! Всех под трибунал! Похоже,
Что этот крутолобый — их главарь!

ВСЕГДА — УВЛЕЧЕННОСТЬ...

«Перикола» шла на сцене Музыкального театра имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко в тысячу триста пятьдесят третий раз... В гримерной готовился к выходу на сцену артист, более сорока лет назад впервые вышедший к зрителям в роли испанского аристократа — графа Панательяса-хитрого,— Сергей Александрович Ценин.

Об этой его роли В. И. Немирович-Данченко писал: «Ценин очень хорош. Он и характерен и живет тем, чем Панательясу жить полагается, и в то же время не навязывает зрителю юмора, не напрягает, хотя и чутко следит за реакцией в зале...»

За полувековую жизнь в театре у Ценина не было случая, чтобы его работа не обратила на себя внимания... И в «Катерине Измайловой», и в «Семье Тараса», и в «Прекрасной Елене» я имел возможность наблюдать не просто игру, а всегда интересную, творческую жизнь актера в образе, всегда увлеченность.

В музыкальном театре искусство перевоплощения труднее дается, чем на драматической сцене. И немногие актеры могут достичь единства вокального и актерского мастерства. Ценину это удавалось всегда. Разносторонен и широк круг его интересов, увлечений, обязанностей... Он блестящий либреттист: его перу принадлежит более двадцати пьес для музыкального театра. Государственная премия СССР, полученная им за спектакль «Семья Тараса»,— это оценка не только актерского, но и драматургического мастерства.

Пусть же энергия, неутомимая работоспособность, умение и в наступившие семьдесят лет всего себя отдавать любимому делу, свойственные Ценину как человеку высокой интеллигентности и культуры, отличают и в дальнейшем его талантливое и радостное служение искусству.

В. КАНДЕЛАКИ,
народный артист СССР

Боттичелли. 1445—1510. ПОРТРЕТ ЮНОШИ (1483—84).

Национальная галерея искусств. Вашингтон.

Жан-Оноре Фрагонар. 1732—1806. ЧИТАЮЩАЯ ДЕВУШКА (1776). Национальная галерея искусств. Вашингтон.

Михаил ХОДАКОВ
Рисунки И. СЕМЕНОВА.

МАЛЫШАМ

ТРОЕ НЕРАЗЛУЧНЫХ ДРУЗЕЙ И МУДРЫЙ ФИЛИН

УТРО НОВОГО ГОДА И ПЕРВОЕ ЖЕЛАНИЕ ПОРИ, ШАРИКА И МИШУНИ

И вот это утро наступило! Сколько мечтал о нем Поря долгими зимними ночами! Сколько раз видели во сне это утро Шарик и Мишуня! Но ни вообразить, ни во сне нельзя увидеть то, что бывает в лесу ранней весной!

Шарик проснулся и сразу понял, что он очень голоден.

И Мишуня первое, что ощутил, открыв глаза,— сильный голод. Но как ни голодны они были, не стали искать еду, а бросились на полянку: очень уж хотели они поскорее встретиться.

Шарик бежал, не чувствуя под собой ног. И еще далеко от полянки понял, что так же спешат его друзья: он услышал сопение Мишуни и похрюкивание Пори.

И вот они все на знакомой полянке... Мишуня на радостях так обнял своих друзей, что у тех затрещали косточки. Поря на радостях так ткнул Мишуню и Шарика своим пятачком, что они чуть не перекувырнулись. А Шарик на радостях так стал щекотать Мишуню и Порю иголками, что те чуть не покатились со смеху... Они были так счастливы, что забыли обо всем на свете. И, может, долго еще веселились, если бы не знакомый голос, раздавшийся совсем рядом.

— Доброе утро,— услышали друзья,— с Новым годом! — На пеньке сидел мудрый Филин.— Вот мы и встретились,— продолжал он.— На этот раз я прилетел с подарками.

— А где они? — в один голос спросили Поря, Мишуня и Шарик.

Конечно, им хотелось крикнуть во все горло, но они же теперь были хорошо воспитанными зверюшками и вели себя вежливо. Но нигде никаких подарков не было. Друзья удивленно посмотрели друг на друга и одновременно подумали, что подарки, наверное, спрятаны в кустах.

— Не ищите их,— сказал Филин,— лучше послушайте меня внимательно. Мы долго думали, какие приготовить вам подарки, но ничего не могли придумать. И решили подарить вам каждому по три желания...

— А что это такое? — спросил Шарик.

— А вот что,— заговорил Филин,— каждый из вас может сам назвать то, что он хочет. И его желание сбудется — он получит любой подарок или с ним произойдет то, что он пожелает.

Сначала друзья даже ничего сказать не могли — так они удивились и обрадовались. Но недолго радовались — оказывается, не так-то просто придумать три желания.

Долго сидели они на полянке задумавшись, а мудрый Филин терпеливо ждал. Наконец Мишуня не выдержал:

— Если я еще буду думать, я умру с голода. Я очень есть хочу.

— И я...— сказал Шарик.

— И я тоже,— кивнул головой Поря.

И вдруг перед ними появилась большая белая скатерть, а на ней... Чего только не было на ней! И мед, и сладкие корешки для Мишуни, и яблоки, жучки и червячки для Шарика, всякие вкусные вещи для Пори. И так много, что у друзей глаза разбежались, и так все было вкусно, что они ни о чем, кроме еды, не могли думать.

— Но что же все это значит? — спросил, опомнившись, Шарик. — И как все это называется?

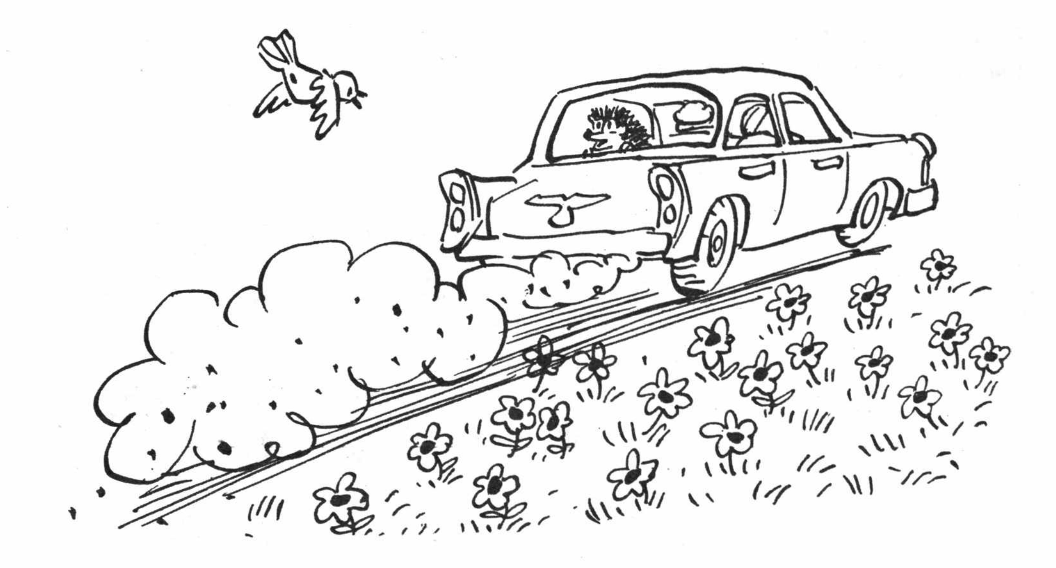
— Называется это скатерть-самобранка. А значит это то, что выполнено первое ваше желание,— ответил Филин.

Друзья ничего не ответили. Может, они все еще были очень удивлены, может, решили, что могли бы придумать и поинтереснее желание, а скорее всего, не ответили они потому, что увидели вокруг скатерти-самобранки множество голодных глаз. Тут были мышки, просидевшие всю зиму в норках, и белки, съевшие все свои припасы, и птицы, голодавшие всю зиму, и те птицы, которые прилетели на родину из далеких стран, — им всем очень хотелось есть.

Добрые Поря, Шарик и Мишуня не могли этого вытерпеть и, недолго думая, пригласили всех к своей скатерти-самобранке. Какой это был пир, какой праздник — даже описать невозможно! До позднего вечера веселились звери и птицы, плясали, пели и играли, как могли. И все были очень рады. А больше всех — Поря, Мишуня и Шарик.

Окончание. См. «Огонек» № 1.

ВТОРОЕ ЖЕЛАНИЕ ПОРИ, МИШУНИ И ШАРИКА

Но ведь не будешь всю жизнь сидеть за скатертью-самобранкой — надо и делом заниматься. Дела, конечно, у всех людей и животных разные. Но у Пори, Шарика и Мишуни на другой день было лишь одно дело — придумать второе желание. Долго бродили они по лесу, думали и вслух и про себя, но ничего не придумали. Так, гуляя, вышли они на берег реки. Сели на крутом берегу и стали смотреть вниз, на воду. Вдруг видят, вылезла из прибрежных кустов красивая гибкая зверюшка — и бултых в воду!

— Я знаю, кто это,— сказал Шарик,— это выдра.

— До чего же здорово она плавает!— удивился Мишуня.— Вы бы хотели так плавать?

— Я нет,— ответил Шарик.

— А я бы хотел хоть раз так проплыть,— сказал Поря.

И только он сказал это, как берег под ним провалился, и Поря очутился в воде.

— Ой, что со мной случилось? — испуганно крикнул Поря.

— Исполняется твое второе желание!— услышал он голос Филина. Филин сказал что-то еще, но Поря вдруг закричал:

— Спасите!

А потом волны сомкнулись над его головой.

Первым опомнился Шарик и быстро побежал к воде. За ним поспешил Мишуня. Но было уже поздно: Порю отнесло течением на самую середину. И вдруг послышался странный шум, а вслед за ним из-за поворота показалась лодка. Только это была не простая лодка, а очень быстроходная, потому что на ней был установлен очень сильный мотор. Не успели Шарик и Мишуня что-нибудь подумать, как лодка оказалась около Пори, а еще через минуту сидевшие в лодке люди вытащили перепуганного кабаненка из воды.

— Вот теперь он поплывет быстрее выдры,— услышали Мишуня и Шарик голос Филина.

И верно — снова заревел мотор, и лодка скрылась за поворотом реки.

Грустно было Шарику и Мишуне, когда шли они по лесу. Где-то теперь их друг? Что с ним?

— И зачем ему захотелось плавать?— печально сказал Шарик.— Я бы ни за что не высказал такого желания. Уж лучше бы он захотел промчаться по лесу с такой же скоростью, как бегает заяц. Я, например, хотел бы так промчаться...

И только Шарик произнес эти слова, как кто-то ловко подхватил его под брюшко, да так быстро, что он и свернуться не успел, и сунул в мешок.

— Что это случилось со мной? — крикнул ничего еще не понявший Шарик.

— Исполнилось твое второе желание,— услышал он голос Филина,— сейчас ты промчишься по лесу быстрее всякого зайца.

Больше Шарик ничего не слышал, зато перепуганный Мишуня услышал мальчишеский голос:

— Папа, я ежика поймал!

А потом мимо Мишуни промчался синий автомобиль, промчался быстрее любого зайца. И Мишуня понял, что этот автомобиль увозит его друга. Но так как медведи плакать не умеют, Мишуня только тоскливо заскулил и отправился на полянку, где они всегда встречались и еще вчера весело пировали. Он был так опечален, что и не заметил другой странной машины, которая появилась на полянке. Это был вертолет. Мишуня ни на что не хотел смотреть, лег под куст и уткнулся носом в землю.

Он лежал и думал о том, что сейчас с Порей и Шариком, где они и как им помочь.

«Вот если бы полететь мне, как птице, может быть, увидал бы я своих друзей»,— думал Мишуня, лежа под кустом. И тут вдруг подошли к нему люди, взяли на руки и куда-то понесли. А может, он заснул с горя — Мишуня и сам не понимал. Только проснулся он от страшного грохота.

— Где я? — прошептал Мишуня, не открывая глаз.

— Ты в воздухе,— услышал он голос Филина,— летишь, как птица. Исполнилось твое второе желание!

ТРЕТЬЕ ЖЕЛАНИЕ ШАРИКА, ПОРИ И МИШУНИ

Первое, что увидел Шарик,— яркий свет. Это вынули его из мешка. Потом он почувствовал, что его опускают вниз. Ноги уперлись во что-то твердое и гладкое. На всякий случай он свернулся в клубок. Но вскоре понял, что пока ему никакая опасность не угрожает, и осторожно высунул мордочку.

Кругом было тихо. Шарик медленно пошел по гладким доскам, пока не уткнулся в твердую гладкую стену. Потом он пошел в другую сторону и опять уткнулся в стену. Очень грустно стало Шарику. Ему не нравились гладкие доски, не нравилось, как они пахнут, не нравились стены. А кроме стен, он то и дело натыкался на разные предметы, которых он никогда не видел в лесу. Откуда ему было знать, что попал он в обыкновенную квартиру, в которой были стулья и стол, шкаф и кровать, кресла и тумбочки — все те предметы, которые не нужны ежам, но без которых люди не могут обходиться.

И не знал ежик, что в квартире этой жил обыкновенный мальчик. Не плохой и не хороший — обыкновенный. Он не собирался мучить ежика — просто нашел его в лесу и принес домой, сам не зная для чего. Мальчик не думал, что ежику будет так плохо в городской квартире.

Но ежику было плохо. Нет, мальчик кормил его — он наливал в блюдечко белую воду, которая у людей называется молоком, и ежику эта белая вода очень нравилась. Он давал ему кусочки мяса, похожие по вкусу на червяков, и кусочки хлеба, ни на что не похожего по вкусу, но очень нравившегося Шарику. Мальчик выпускал Шарика на балкон, и Шарику там нравилось.

И все-таки ему было очень плохо. Во-первых, Шарик скучал о друзьях — Поре и Мишуне, во-вторых, ему было душно в квартире и страшно, а главное — ему нужен был лес, свежий воздух, лесная трава, птичьи голоса, и шум ветра, и еще многое, чего лишил его мальчик. И оттого, что всего этого не было, и оттого, что он очень скучал, Шарик заболел. С каждым днем ему становилось все хуже и хуже. И тогда он подумал: «Хоть бы еще разок посмотреть на своих друзей, посидеть на полянке, послушать пение птиц, подышать лесным воздухом». С этой мечтой он и заснул. А когда проснулся, увидел вокруг себя знакомые пеньки, услышал шелест трав и пение птиц и подумал, что это все ему снится. Он протер глаза, но по-прежнему все оставалось на месте.

— Что же это значит? — спросил он сам себя и услышал голос Филина:

— Это исполнилось твое третье желание!

— А где же мои друзья? — крикнул он.

Но Филин ничего не ответил, хотя и знал, где они.

Поря в это время сидел в темном хлеву и в который уж раз ругал себя за глупое желание. Вот теперь он уже никогда не увидит своих друзей, никогда не будет бегать по лесу. Теперь всю жизнь придется сидеть ему в этом сарае, а люди будут приходить и смотреть на него. А потом... Что с ним будет потом — даже страшно подумать!

Сколько раз пытался Поря вылезти из этого сарая — он хотел выломать дверь, но только разбил себе пятачок.

«Если бы мне снова очутиться в лесу, я никогда даже близко не подошел бы к реке»,— подумал он, а вслух проговорил:

— О, если бы мне снова очутиться в лесу! Но это невозможно...

— Почему невозможно? — услышал он вдруг знакомый голос... А еще через мгновение он уже прижимал к себе счастливого Шарика. И только потом спросил:

— Да как же я очутился здесь?

— Исполнилось твое третье желание!— услышал он голос Филина.

И вот они сидят на полянке и молчат. Конечно, они могли бы рассказать друг другу о своих приключениях и, наверное, расскажут. Но это будет потом. А сейчас они молчат и думают о Мишуне. Где он? Что с ним?

А Мишуня в это время думал о них, о Шарике и Поре. Самому Мишуне было так плохо, что о себе он старался не думать. Да и о чем думать? Отнесла его железная машина-птица в далекий город, привезли его потом на какой-то двор, приковали цепью к столбу — и все. Конечно, его кормили — на это Мишуня пожаловаться не мог, но разве полезет в горло кусок, когда сидишь на цепи, а вокруг целый день толпятся люди и разглядывают тебя? Неужели он так и умрет здесь, в чужом, далеком городе, вдали от родного леса, вдали от друзей... Да живы ли они, его друзья?

— Вот если бы узнать об этом! Только бы живы были Шарик и Поря, только бы узнать об этом!

Мишуня так задумался, что не заметил, как стал говорить вслух. И только он сказал последние слова, как увидел перед собой Шарика и Порю. И услышал голос Филина:

— Исполнилось твое третье желание!

ЧЕТВЕРТОЕ ЖЕЛАНИЕ ШАРИКА, ПОРИ И МИШУНИ

Не стоит рассказывать, как встретились друзья, как рады были этой встрече, сколько времени они проговорили. Об этом каждый может догадаться сам. Стоит сказать только, что не было в лесу счастливее зверей, чем Шарик, Поря и Мишуня.

Но вот прошло несколько дней, и друзья снова увидели Филина. Нет, встретили они его не случайно—несколько дней они разыскивали мудрую птицу. А может, Филин — недаром же он мудрый! — сам узнал, что Шарик, Поря и Мишуня хотят его повидать, и потому прилетел к ним.

— Мудрый Филин,— начал Шарик,— у нас к вам большущая просьба.

— Мы хотим, чтоб было исполнено наше четвертое желание! — сказал Мишуня.

Филин печально покачал головой.

— Вам было обещано исполнение трех желаний,— сказал он,— и вы сами виноваты, что так неразумно распорядились ими. Совсем незачем кабаненку плавать, как выдра, а ежу мчаться по лесу, как заяц...

— Верно,— согласились Шарик, Поря и Мишуня,— но мы больше не будем...

И вид у них при этом был такой, что Филин не выдержал.

— Не огорчайтесь,— сказал он,— придет следующий Новый год, и деды морозы опять подарят вам по три желания. И тогда...

— Нет!— сказал Поря.— Нам не надо три, нам надо одно...

— На всех,— добавил Мишуня,— одно на всех.

— И чтоб оно исполнилось сейчас,— закончил Шарик.

Очень удивился Филин: что это за желание такое —одно на всех и чтоб исполнилось немедленно?

— Ладно,— сказал он,— говорите свое желание. Я передам дедам морозам. Может быть, и согласятся они...

— Вот какое наше желание: мы хотим, чтоб никто не ловил в лесу зверей и птиц, никто не увозил, не уносил бы их из родного леса, чтоб все мальчики и девочки знали, что зверюшкам и птицам очень плохо в клетках, в ящиках, в сараях и квартирах на веревках и на цепях,— одним духом выпалил Шарик.

— Могут деды морозы исполнить наше желание? — спросили вместе Поря и Мишуня.

Мудрый Филин ответил не сразу. Он долго сидел с закрытыми глазами, потом открыл их, поправил очки и, наконец, заговорил.

— Это очень благородное желание, друзья мои. И поэтому отвечу я вам честно. Многие думают, что деды морозы могут все. Но это не совсем так. Как раз то, о чем вы просите, выполнить они не могут.

Но подождите вешать носы. Ваше желание все-таки выполнимо. Выполнить его могут мальчики и девочки, которые бывают в лесу и которые, может быть, сами того не зная, приносят много горя зверям и птицам. Вот их-то и надо попросить: не обижайте зверей и птиц. Не ловите их, не уносите из леса, не сажайте в клетки. Зверям и птицам и так жить нелегко!

Поря, Шарик и Мишуня живут в лесу, далеко-далеко. Они не могут обратиться с такой просьбой ко всем мальчикам и девочкам. Они попросили сделать это наш журнал. Мы выполнили просьбу трех друзей. Очень хочется думать, что и вы, ребята, постараетесь исполнить желание Пори, Шарика и Мишуни и не будете обижать зверей и птиц. И не только тех, кто живет в лесу. Мы очень надеемся, что так оно и будет!

С. Алексеева в роли лейтенанта Ермашевой и А. Шворин — полковник Костенко.

Фото М. Строкова.

ТЕАТР

ФРОНТ НА УЛИЦЕ ОГАРЕВА

Сложные проблемы решает спектакль «Огарева, 6», поставленный по пьесе Ю. Семенова Московским драматическим театром имени Гоголя.

— Спектакль «Огарева, 6» — одна из боевых наших акций,— говорит постановщик спектакля, главный режиссер театра Б. Г. Голубовский.

—Пьеса Юлиана Семенова не детектив; зрителям не приходится здесь «разгадывать», кто совершил преступление, это известно с самого начала. Наша задача иная. Мы пытаемся отыскать корни преступной психологии. Надо их знать, чтобы выиграть напряженный поединок — борьбу с преступностью...

Когда мы работали над спектаклем,— продолжает Б. Г. Голубовский,— нас консультировали сотрудники Министерства внутренних дел; они дали нам возможность ближе познакомиться с их работой, с ними самими. Это очень интересные, умные, образованные люди. Их труд, так же как наш, является творческим, иначе его не назовешь.

Драматургия Юлиана Семенова привлекает меня давно,— говорит далее режиссер.— Лет десять назад я поставил в Московском театре юного зрителя первую его пьесу «Иди и не бойся». С тех самых пор остро ощущаю в произведениях Семенова пульс нынешнего дня. Чувствуется он и в характерах действующих лиц, и в самих ситуациях...

Новая постановка Московского театра имени Гоголя является собою как бы серию острых поединков, боев, которые ведут с преступниками, порою рискуя жизнью, сотрудники уголовного розыска. Героически гибнет в борьбе один из них, майор Романов,— эта роль ярко раскрывает нравственный облик людей долга. Смерть настигла майора при исполнении служебных обязанностей, в момент, когда он уже нашел и разоблачил преступника, пытавшегося сбежать от правосудия...

Адресованный широкой аудитории, спектакль с интересом смотрится зрителями всех возрастов.

Т. ЛОТИС

Б. ПРОТОПОПОВ

Двое и

...Внизу среди тайги обозначилась россыпь домиков. «Антон» пошел на посадку и, попрыгав по задубевшей уже земле, замер у небольшого домика аэропорта.

— Преображенка,— сказал командир самолета,— далеко не расходитесь. Почту примем и — дальше.

В Братске был дождь, а здесь оледенелая трава шуршит под ногами: Крайний Север!

Я вышел на главную улицу поселка. Сельсовет... Почта... Школа... В стороне, окнами на реку, приземистая хатка. Здесь? Да, вон и Борис Авраменко, с которым мы познакомились в Москве, идет навстречу.

В комнате, едва я отворил дверь, поднялась со стула невысокая худенькая женщина. Настороженно глядя на меня, она быстрым инстинктивным движением прижимает к себе голубоглазого мальчонку, играющего у ее ног.

— Это корреспондент «Огонька»,— успокаивающе сказал Борис.— Моя жена Любовь Алексеевна,— отнесся он ко мне.— А это Гриня.

По-птичьи склонив голову набок, Гришутка долго смотрел на меня, потом протянул обгрызенное яблоко. Знакомство состоялось.

Сразу подобревшая лицом Любовь Алексеевна захлопотала около печки, а Гриша, уже оглушительно трубя, носился по полу с жестяным самосвалом, не обращая на меня никакого внимания, хотя именно из-за него я и проделал путь почти в 7 тысяч километров из Москвы сюда, на Нижнюю Тунгуску.

— Ну вот,— прервал Борис неловкое молчание.— Удобств, как видите, пока никаких. Но обживемся. Печку уже сложили. Переборки сделал. Завалинку соорудил, стены побелил. Завтра электросвет обещали дать... У Гриши есть все необходимое и из одежды и питания. И дальше у него будет все необходимое,— подчеркнул он, хмурясь,— об этом пусть никто не беспокоится!

Отвернувшись, он стал закуривать сигарету, и я заметил, что от волнения у него дрожат руки. Любовь Алексеевна сидела потупившись, положив на стол большие рабочие руки. Изредка вопросительно вскидывала на меня большие глаза.

Я чувствую себя неловко. Не знаю, с чего начать. Только вчера в Братске я разговаривал с родной матерью Гришутки, и передо мной стоит еще ее заплаканное лицо.

— Ну, что ж,— начинаю я, откашливаясь,— все это так. Но что же дальше? Так ведь не может продолжаться. Закон есть закон!

— Ребенка мы не отдадим,— говорит Борис, вызывающе глядя на меня.

— Не отдадим,— эхом отзывается Любовь Алексеевна,— пускай хоть с милицией приходят!

Я молчу. Эмоции сейчас противопоказаны. Надо все взвесить, оценить, постараться понять. Главное — решить, где лучше будет Гришутке. Это основное.

— Отложим разговор до завтра,— говорю я, притворно зевая.— Может, покормите чем-нибудь?

Любовь Алексеевна молча снимает с керосинки кастрюлю с картофелем, Борис достает из погреба соленую рыбу — дар «Угрюм-реки». На столе румяные яблоки, виноград — редкость в этих местах. Хозяйка не предлагает их гостю. Я понимаю, что это для Гриньки.

Вечереет.

— Григорий, спать!— строго говорит Борис. «Папа!» — ноет Гришутка. И видя, что лицо отца непреклонно, апеллирует к Любови Алексеевне: «Ма-ама!» Но та без разговоров подхватывает ребенка на руки и, невзирая на хныканье, уносит за перегородку.

Через час я укладываюсь на широкой скамейке. Но сон не идет, и я снова и снова перебираю в памяти все, что узнал об истории, которая изложена в «Деле № 2-838-72 Куприяненко Н. М. к Авраменко Б. Г. об отобрании ребенка».

Исковое заявление Нины Михайловны сразу вводит читателя в суть дела. С марта 1971 года она находилась с ответчиком в фактических брачных отношениях. Двадцать девятого декабря того же года у них родился ребенок, которого по взаимному согласию зарегистрировали на имя отца. Брак не оформлен, так как Куприяненко не взяла развода с первым мужем, от которого у нее сын Сережа — ему сейчас восемь лет. Авраменко не возражал против рождения ребенка, но через две недели после родов заявил: жить с ней не будет, вынудил дать расписку, что она добровольно передает ему маленького Гришу на воспитание. В настоящее время он у ответчика. Куприяненко просит суд вернуть ей ребенка, которому всего три месяца и который нуждается в уходе и материнской ласке.

Вот акт обследования жилищных и других условий Куприяненко. Все условия для воспитания маленького Гриши налицо. Показания свидетелей, которые также положительно отзываются о Нине Михайловне.

Наконец, характеристика с места работы: «Дана на работника магазина № 29 Куприяненко Нину Михайловну в том, что за период работы в магазине с октября 1970 по октябрь 1971 г. она показала себя как работник с хорошей стороны, к обязанностям продавца относилась добросовестно, с покупателями была вежлива, доброжелательна. Замечаний со стороны аморального поведения не было».

Так в чем же дело? Почему совершенно, казалось бы, справедливое решение братского городского суда — «вернуть ребенка истице» — до сих пор, спустя полтора года, не выполнено?

Председатель горсуда А. А. Корниенко, опытный судья и уважаемый в городе человек, не сразу ответил на этот вопрос.

— Ну, во-первых, по требованию высоких судебных инстанций исполнение решения несколько раз приостанавливалось...— говорит он.— Во-вторых, судебный исполнитель или не могла найти ребенка, либо обстоятельства складывались так, что изъять его не представлялось возможным. Нужно было бы, конечно, действовать решительнее сразу... А теперь... Ведь мальчонка к той матери привык, это же понять надо, все теперь сложнее!

— Что же будет дальше?

Андрей Антонович пожал плечами:

— Штрафуем и еще будем штрафовать... Впрочем, сейчас исполнение поручено по месту жительства Авраменко — нарсуду Катангского района,— сказал он с видимым облегчением. А после некоторого молчания добавил:— Кстати, в моей практике не встречался еще мужчина, который с такой настойчивостью отстаивал бы сына.

Несколько неожиданно прозвучали и слова Е. Е. Былковой, председательствовавшей в суде по делу Куприяненко.

— Гришутка уже полтора года с отцом,— сказала она.— Это может послужить основанием для пересмотра дела...

После разговора с судебным исполнителем Нелли Михайловной Кожевиной я понял, что история маленького Гришутки отнюдь не так проста, как представлялась мне и, простите, братскому городскому суду.

— Ну, конечно, я виновата, что Гришутка до сих пор не возвращен матери. И мои чувства тут ни при чем...— говорит Нелли Михайловна.— Но вот председатель горсуда Андрей Антонович мне всегда советует: в затруднительных случаях обращайся к общественности. Народ все понимает и всегда тебе поможет... А тут общественность от меня Гришутку прячет. Да, да, буквально. Укажет Куприяненко дом: «Вот здесь он сейчас!» Придем: «Нет у нас никакого ребенка, знать не знаем!» А после выясняется: здесь он был, его срочно к соседям переправили. Поверите ли, на меня коситься стали, будто я злодейка какая!..

— Но почему же, разве решение суда неправильное?

И снова какая-то расплывчатость в ответах.

— Да нет, почему же... В свое время все было правильно. Ведь не знали, каким отцом окажется Авраменко. Рисковать было нельзя. А сейчас... Полтора года Гришка в той семье. Ведь он другую матерью зовет!.. Вот я вам расскажу, как мы его недавно «изымали». Пришли с Ниной Михайловной, стучимся: «Кто там?» «Отоприте немедленно — судоисполнитель!» Входим, ребенок в коридоре играет. Куприяненко к нему: «Гришенька, Гришенька». А тот в рев и к жене Авраменко: «Мама, мама!» Одна его в одну сторону тянет, другая в другую... Легко это наблюдать?! У меня ведь свои дети есть... Борис выхватил ребенка у Нины, завернул в одеяло и жене: «На, Люба, беги!» Та, как была в халате, тапочках на босу ногу, к двери. Я кричу: «Не пущу!» Авраменко меня оттолкнул, и она убежала. А морозы знаете у нас какие!

— Значит, Авраменко поднял на вас руку?

— Да, конечно,— вяло согласилась Нелли Михайловна,— но...

— Что «но»?

— Но в такой ситуации я действовала бы точно так же! Какая она мать!.. Так только жалуется, чтобы ему досадить!

Час от часу не легче!

Тогда, отложив в сторону жалобы и Куприяненко и Авраменко, я еще раз прочитал все документы судебного дела, пошел к людям, жившим с ними рядом. И вот как предстала эта история.

Начало ее банально. Молодого холостяка поселили в квартире, где обитала такого же возраста женщина. Вдова не вдова, однако же и не мужняя жена. Правда, супруг значился в паспорте, и даже более существенное доказательство было налицо — восьмилетний Сережа, но это не мешало Нине Михайловне вести себя так, как ей заблагорассудится.

Очень скоро и Борис и Нина поняли, что не созданы друг для друга. И эта связь от нечего делать, от скуки легко прервалась бы, не оставив следа, но родился Гришутка, и все необыкновенно и трагически осложнилось.

Еще в роддоме у Куприяненко возникла мысль оставить ребенка здесь, однако Борис посоветовал ей «дурью не мучиться» и привез обоих домой.

Собирался ли он создавать семью? Авраменко утверждает: да. По его признанию, едва он взял на руки теплый беспомощный комочек — своего ребенка, как «что-то кольнуло в сердце». В тот момент даже вечные размолвки с его матерью показались ему несущественными.

Нина Михайловна не сумела правильно оценить это чувство. Она руководствовалась своей житейской моралью, где чувствам не было места и которая формулировалась примерно так: все это у Бориса притворство. И если уж до родов он не хотел жить со мной, так с ребенком и подавно бросит.

Срочный вызов Авраменко на тренировочные сборы в Иркутск (он инструктор-парашютист в авиалесоохране) лишь утвердил ее в этом мнении: «Командировка? Как бы не так! Просто сбежать хочет!»

Гришутка

И первым, кого он увидел, приехав на авиабазу, была Куприяненко с ребенком. В кабинете начальника она потребовала, чтобы Борис сейчас же при всех дал обязательство платить алименты. И, успокоенная, направилась домой: теперь не отвертится!

А Авраменко и не думал «вертеться». Он скучает по сыну и, вернувшись со сборов, предлагает забыть все и жить вместе ради ребенка.

Слезы. Клятвы. Раскаяние. Примирение. По взаимному согласию ребенка регистрируют и записывают на фамилию «Авраменко». Брак, однако, не оформляется. Нина Михайловна почему-то не торопится с разводом.

Увы, согласия хватило ненадолго. Борис упрекает Нину в невнимании к Гришутке, она корит его в равнодушии к ней. Упреки переходят в скандалы, во время которых восьмилетний Сережа, дрожа, забивается в угол, а Гришутка захлебывается в плаче.

Сожители снова расходятся по своим комнатам.

Да и не могло быть иначе. Авраменко уже не скрывает своей неприязни к Нине. А она?

— Если бы не жила с ним на одной квартире, никогда бы с таким не сошлась! — сказала мне Нина Михайловна при встрече.

Можно себе представить, что за семья получилась бы.

Создается впечатление, что и материнское чувство в этой ситуации где-то на втором плане. Вот хроника событий.

Пятого февраля Куприяненко подкатила коляску ребенка к комнате Бориса и сказала: забирай и иди отсюда куда хочешь. После этого четыре дня не кормила, сцеживала молоко в стакан и оставляла его в кухне.

Девятого февраля забрала ребенка обратно. Тринадцатого февраля, услышав, что сын плачет, Борис вошел к ней в комнату и увидел, что матери нет, ребенок лежит раздетый на холодной клеенке. Вокруг него беспомощно суетится восьмилетний Сережа. Борис взял сына к себе, накормил, перепеленал и укачал. Нина Михайловна вернулась поздно ночью и легла спать, даже не поинтересовавшись, где Гришутка. А на упреки Бориса ответила: он твой, вот и нянчись с ним!

Сослуживец Бориса В. Григорьев, временно живший в его комнате, вспоминает: «Я ему сказал: так дальше продолжаться не может. Возьми с нее расписку, что больше ребенка не заберет! Так он и сделал. Никаких принуждений, о которых говорит Куприяненко, не было. Я же присутствовал при этом. И даже поставил свою подпись как свидетель...»

Расписка находится в судебном деле.

«Настоящая расписка дана Авраменко Борису в том, что я, Куприяненко Нина Михайловна, отдаю сына — Авраменко Григория на воспитание отцу, так как я не в состоянии воспитывать двух детей. 13.II.72 г. (подпись)».

Двадцатого февраля Нина Михайловна, поклявшись, что будет хорошо ухаживать за ребенком, снова забирает его у отца. Борис по требованию Нины переезжает на другую квартиру. Четвертого марта Куприяненко приглашает его к себе. Сложила все вещи в коляску, передала ребенка и попросила больше не приходить.

— Идет он с Гришуткой, — рассказывает соседка Куприяненко М. Тасканова, — а я спрашиваю, что ты с ним делать будешь, горькая твоя голова? Он только рукой махнул. Зло меня тогда взяло на Нину. Разве настоящая мать так поступит?..

Всплеснула руками и соседка Авраменко по новой квартире С. Бойцова:

— Неужели совсем отдала? Ведь снова прибежит, расплачется, а ты опять спасуешь! «Нет, — отвечает, — теперь обратно не отдам. Все!» Накупил пеленок, сходил в консультацию за талонами на молоко. День и ночь с ним возится. Даже удивительно для мужчины!

Двенадцатого марта Куприяненко вновь пришла требовать ребенка, но Борис не пустил ее в комнату.

(«Да, он меня не пускал к сыну», — говорила мне Нина Михайловна. «Но вы же сами его отдавали Борису, зачем вы это делали?» «Ребенка я отдала, потому что думала сохранить семью...» «Таким образом?!» «Да, думала привыкнет к Грише, а без матери ему с ним не справиться». «Значит, у вас еще сохранились чувства к Борису?» «Ничего, кроме ненависти! Слышала, что женился он. Никогда не поверю, что его жена хорошо относится к ребенку!.. Пусть отдает ребенка! Я его сама воспитаю...» «Но вы же писали, что вам трудно с двоими?» «Что вы меня уговариваете, а ясли на что?»)

Как заботился Авраменко о сыне, свидетельствует в суде фельдшер детской консультации Братска Г. Казакова:

«Мы наблюдаем за Гришей Авраменко... Куприяненко сказала мне, что отдала сына на воспитание отцу навсегда. Дала мне адрес отца. Я пошла к нему и увидела, что он очень хорошо следит за ним. Все есть, все чистенькое, гуляет с ним. Приносил на осмотр в консультацию. Я считаю, что отец он очень хороший».

И все-таки каков бы ни был отец, ребенку без матери трудно. Но в счастливый для Гришутки день, когда Борис старательно, хоть и неумело, купал его, в квартиру зашла Любовь Алексеевна. Она молча долго наблюдала за ними, а потом, не утерпев, засучила рукава, решительно отодвинула Бориса в сторону и сама взялась за Гришутку. С тех пор стала приходить каждый день и, когда ребенок первый раз обнял ее, бесповоротно и, я думаю, навсегда отдала ему свое сердце.

(«Любаша бутылочку с детским молоком на груди носила, — рассказывала соседка, — чтобы всегда было теплое...»)

Как признается Любовь Алексеевна сейчас, и замуж-то за Бориса вышла из-за Гришутки. А потом полюбила и мужа.

И вот, когда все как будто наладилось, Авраменко получает повестку в суд...

Впрочем, и он и Любовь Алексеевна не сомневались, что ребенка «присудят» им. Вышло иначе. Жалобы в высокие судебные инстанции, поездки в прокуратуру республики не принесли результата. Решение братского горсуда осталось в силе.

Вот тогда и началась эта, похожая на плохой детектив, охота за маленьким Гришуткой. Бросив благоустроенные квартиры, а Любовь Алексеевна и еще высокооплачиваемую работу, уехали они на берег «Угрюм-реки», в невзрачную хатенку. Убежали, нарушив закон, но при общем сочувствии общественности. Да, нарушив закон.

Я понимаю, что решение братского городского суда оспаривать трудно. Если... если глубоко не вникать в суть. Фемида в подобной ситуации чаще всего на стороне матери, и это правильно. Но в этом случае, как мне кажется, взвешены не все обстоятельства дела.

Вызывает удивление, что не были выслушаны очень важные свидетели со стороны ответчика. Они могли бы пролить дополнительный свет на эту историю. С излишней доверчивостью отнеслись судьи к документам, характеризующим личность Куприяненко. К слову, характеристика, представленная ею с последнего места работы, — помните? «...Показала себя, как работник с хорошей стороны, к обязанностям продавца относилась добросовестно, с покупателями была вежлива, доброжелательна»... — оказалась фальшивой.

Заведующая магазином Ф. Баланова отзывается о Куприяненко отрицательно: часто прогуливала, по характеру груба, были жалобы на нее покупателей за обвес.

Почему же появился в суде положительный отзыв?

Как призналась сама Куприяненко: «Попросила девочек-продавщиц, они мне ее и написали».

Думаю, что не придали в суде должного значения и письму Куприяненко ответчику, где она прямо говорит: «Правильно, что ты не отдаешь мне парня, ему у меня будет хуже, чем у тебя».

Создается впечатление, что судьи при ознакомлении с этим письмом и пресловутой распиской, как видно из решения, занялись лишь «психологическим состоянием» матери, не учитывая, как отразится это состояние «аффекта» Нины Михайловны на самом Гришутке.

А ведь именно он, его судьба, его жизнь, в конце концов главное во всей это истории.

Я назвал очерк «Двое и Гришутка», на самом же деле, как видите, в это семейное дело оказалось вовлечено множество людей. Судьба Гришутки волнует не только его родителей.

Но вернемся в Преображенку.

...В комнате светает. В кухне шуршит Любовь Алексеевна. Жарко горит печка. На ней кипятится Гришуткино молоко. На сковороде поджаривается картошка. Именно такую — розовыми ломтиками — любит Гришка... К его пробуждению надо еще постирать курточку. После завтрака он запросится гулять.

В окошко видно, как по Тунгуске плывет ледяная шуга, холодный ветер гонит ее к берегу.

— Не мерзнет здесь парнишка?

— Почему это? — вскидывается Любовь Алексеевна. — Ему же скоро два года! Мы хотим, чтобы он настоящим сибиряком стал. Вон Борис мечтает его на будущий год в тайгу взять... Если я разрешу, конечно!

Просыпается Гришутка, стягивает с постели отца, и комната наполняется рычанием автомашин, гулом самолетов и моторных лодок. Весь пол — его территория. Это понимает и огромный черный Полкан, которого пустили погреться. Когда грузовик мчится на него, он с готовностью поднимает лапы.

Мне надо лететь в районный центр Ербогачен. Секретарь райкома партии тоже хорошо знает Гришкину историю.

Прощаясь, Авраменко вопросительно смотрит на меня.

— Все будет хорошо! — говорю я, хотя и не совсем уверен в этом. — Все будет хорошо!

...В кабинете секретаря Катангского райкома партии Г. П. Масягина, просматривая новые документы в защиту Авраменко (важным из них мне представляется ходатайство депутатов Катангского районного и Преображенского сельского Советов), я вновь подумал: ведь не могут же ошибаться люди. И не может быть того, чтобы наше правосудие не учло такое единодушное мнение общественности. Г. П. Масягин еще утвердил эту мысль, выразив, в сущности, самое главное.

— Конечно, закон есть закон, и нарушать его никому не позволено. Однако же нельзя не учитывать, что прошло уже два года. Взять мальчика сейчас из удачно сложившейся семьи было бы бесчеловечно, незаконно.

Москва — Братск —
Преображенка — Ербогачен.

ФЕСТИВАЛЬ ПОДВЕЛ ИТОГИ...

ТЕАТР

Даже будь у меня ковер-самолет или сапоги-скороходы, я и тогда не сумел бы побывать во всех 115 театрах, принявших участие во Всесоюзном фестивале драматических и музыкальных произведений чехословацких авторов. С театральных афиш сорока городов не сходили имена Юлиуса Фучика, Карела Чапека, Ярослава Гашека, Йосефа Тыла, Яна Соловича, Ивана Буковчана, Ладислава Лукнара и многих других писателей. С некоторыми из них зрители знакомились впервые. На сцене МХАТа в эти дни шла премьера «Соло для часов с боем» словацкого драматурга Освальда Заградника.

В этом спектакле много часов — будильник, настенные, каминные и даже башенные... Правда, они остановились восемь лет назад, но старый часовщик Райнер не теряет надежду их починить...

Чудак он, этот Райнер! Такой же, как и все его друзья, которые доживают свой век в богадельне, но по пятницам непременно собираются вместе, пьют чай, вспоминают былые времена, ворчат на молодежь... Вот и старая дева, пани Конти, не устает повторять, что ее сын — известный хирург, хотя никакого сына у нее нет. Пан Хмелик берет чаевые и тратит их на цветы. Инспектор Мич задерживает пана Райнера за попытку влезть на часовую башню... Все эти наивные забавы стариков молодым героям Павлу и Даше кажутся кривлянием. А какая же игра есть у них-то? Какая мечта? По правде сказать, мечта эта весьма убогая, хотя и очень популярная. Они хотят жениться, купить кооперативную квартиру, автомобиль, цветной телевизор и собаку...

Прагматизму юных мещан, их потребительскому отношению к жизни противостоят бескорыстие и благородство стариков. И чем больше вживаешься в происходящее, тем глубже чувствуешь остроту проблемы: как жить и для чего жить... Четыре пенсионера, обожающих свою Даму, знают ответ, да и у молодых есть еще время, чтобы ответ найти. Но часы идут, и не надо откладывать решение...

Написанная О. Заградником пьеса переведена Ю. Айхенвальдом, поставлена А. Васильевым, оформлена И. Поповым и талантливо представлена актерами. Молодых играли молодые — Н. Мирошниченко (Даша) и В. Абдулов (Павел), а стариков — ветераны МХАТа, народные артисты СССР Ольга Николаевна Андровская (пани Конти), Михаил Михайлович Яншин (Абель), Алексей Николаевич Грибов (Райнер), Виктор Яковлевич Станицын (Мич) и Марк Исаакович Прудкин (Хмелик)... Как-то даже неловко называть их исполнителями: они — создатели. Увидеть их вместе, в одном спектакле — это запомнится на всю жизнь.

Премиями за лучшие актерские работы жюри фестиваля наградило именно этих прославленных мастеров. Лауреатами фестиваля стали также руководитель постановки народный артист РСФСР Олег Ефремов и режиссер-стажер Анатолий Васильев.

В числе победителей праздника дружбы и искусства оказались также спектакли: «Средство Макропулоса» К. Чапека в Малом театре, «Репортаж с петлей на шее» Ю. Фучика в Свердловском областном театре, «Загадочный нищий» Я. Соловича в Туркменском ТЮЗе, «Волынщик из Стракониц» И. Тыла в театре «Ванемуйне» (Тарту) и другие.

На фото (справа налево): О. Андровская, М. Прудкин, М. Яншин и А. Грибов в спектакле «Соло для часов с боем».

В. ВАРЖАПЕТЯН

Фото И. Александрова.

«ЧИПОЛЛИНО» НА ЭКРАНЕ

КИНО

Форма этого художественного фильма — эксцентрическая комедия — подсказана содержанием, как вообще-то и должно быть.

Но на сей раз самое содержание необычно: и потому, что в основу сценария легла сказка — о мальчике-луковке Чиполлино, и потому, что по режиссерскому велению Т. Лисициан в фильме действуют и сказочные персонажи-овощи и «обычные» люди. И еще: помимо любимых всеми героев — Вишенки, Землянички, кума Тыквы, — в «Чиполлино» появляется новое и, наверное, наиглавнейшее действующее лицо: сам Джанни Родари, автор замечательной истории об отважном герое.

Итальянский писатель, любезно согласившийся сняться в новом советском фильме, очень убедительно и просто вводит зрителей в мир сказки, заставляя нас поверить в то, что Луковка и другие «герои» рассказали ему все эти интересные истории, которые писатель теперь хочет, в свою очередь, поведать нам.

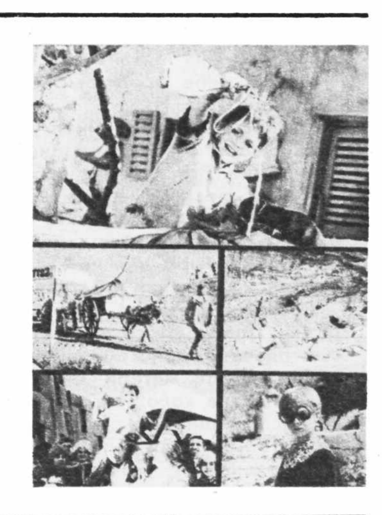
Авторы картины создают зрелище необычайное по своей красочности и яркости — полуигровое и полумультипликационное, музыкальное, фантастическое и в то же время поучительное, как всякая сказка. И современное.

Мы, конечно, не будем пересказывать сюжет, так как он известен. Скажем только, что в фильме снимались В. Белокуров, Р. Зеленая, Г. Вицин, Р. Ткачук; а в роли Чиполлино выступил Саша Елистратов, успевший, несмотря на свой юный возраст, сняться уже в нескольких картинах.

«Я очень, очень доволен советским фильмом «Чиполлино»... он точно передает дух моей давно написанной сказки, полон выдумки и улыбки — иногда веселой, иногда грустной...» — вот что сказал сам Джанни Родари об этой картине, сделанной режиссером Тамарой Лисициан на киностудии «Мосфильм».

Думается, что к мнению писателя присоединятся и зрители — маленькие и взрослые. Это киносказка для всех.

Н. МИХАЙЛОВА

Сергей ВОРОНИН

ЮМОРЕСКА

ВСЕ БЫЛИ ПОЛНЫ СОБСТВЕННОГО ДОСТОИНСТВА

Все уже спали, когда по всему Дому приезжих разнесся веселый мужской голос:

— Але, Владимир Александрович? Я это, я! Поздравляю с днем вашего рождения! Желаю всего, чего и себе желаю, самого-самого, Владимир Александрович! Специально к этому времени и подгадал, чтоб, значит, в самый аккурат, Владимир Александрович! Здоровья вам и успеха в вашем большом, ответственном труде, Владимир Александрович, от всего моего сердца, Владимир Александрович! На меня можете завсегда положиться, как на стенку, уж будьте спокойны, любое ваше мнение выполню и перевыполню,

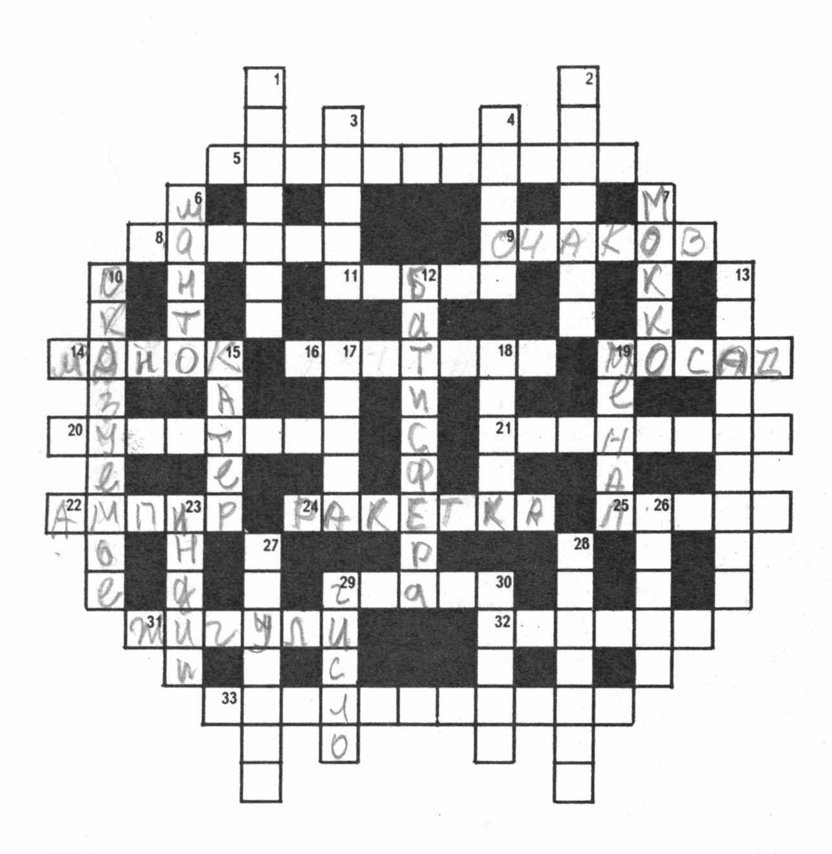
Владимир Александрович! Тут уж не извольте сомневаться. Шум слышу, музыку, пускай завсегда будет у вас много друзей. А от меня вам будет подарок, Владимир Александрович! Нет, нет, так уж положено. Это уж мое право. Тут уж я хозяин, Владимир Александрович. Как устроился? Обыкновенно, в Доме приезжих. Кроме меня, в комнате еще шесть единиц... Нет, во всех остальных мужских комнатах такая же скученность. Ну это ничего, пусть это вас, Владимир Александрович, не интересует. У вас свои большие заботы... Какой народ? Единицы-то? А разный, кто храпит, а кто еще чего... Но не тратьте своего драгоценного времени на пустяки. Я на это внимания не обращаю. Главное, чтоб вам, Владимир Александрович, было хорошо! Между прочим, здесь есть махровые полотенца, большие по три семьдесят, малые по два тридцать. Если что... Хорошо, Владимир Александрович. Ясно. Ясно. Усек. И тех и других, ясно! Нет, больше ничего такого нет, Владимир Александрович, чтобы вам заинтересоваться. А как что попадет на глаз, уведомлю, Владимир Александрович... Ясно. Ясно. Усек. Желаю вам всего самого-самого, а главное, чтоб здоровья и вам, Владимир Александрович, и вашей супруге Нине Николаевне, и Юрику, и Светочке, и чтоб хорошо было у вас в доме и на работе весь год, а там еще лучше! Самого-самого вам, чего себе, того и вам, Владимир Александрович, только вам вдвойне. Всего, всего, Владимир Александрович! Ваш... ваш...

Он разбудил всех. Люди в комнатах чертыхались, собирались его одернуть, но никому не хотелось вылезать из-под одеяла, и никто не прошел в дежурку. Перетерпели. Перетерпел и я. Не сразу, но уснул.

Первое, что пришло мне на ум утром,— узнать, кто же тот человек, так угодливо извивавшийся у телефона.

Когда подошло время уходить по делам, я встал у дверей на крыльцо. Один за другим мимо меня стали проходить постояльцы — высокие и короткие, толстые и сухие, пожилые и молодые. Внимательно я вглядывался в каждого, но ни в одном не мог заподозрить подхалима. Все они шли важно. С туго набитыми портфелями. Никто не семенил. Не вертелся. Все были серьезны.

Все были полны собственного достоинства.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Пьеса Н. Ф. Погодина. 8. Государство в Центральной Африке. 9. Крейсер, участвовавший в Севастопольском восстании 1905 года. 11. Промысловая рыба семейства кефалей. 14. Охотничья дудочка. 16. Художественный прием в литературе. 19. Часть города в Древней Руси. 20. Роман В. Скотта. 21. Старинное артиллерийское орудие. 22. Стиль в архитектуре. 24. Спортивный инвентарь теннисиста. 25. Цветок. 29. Немецкий композитор XIX века. 31. Марка советского автомобиля. 32. Польская писательница. 33. Птица с пестрым оперением.

По вертикали: 1. Горная система в Европе. 2. Самый большой остров в Балтийском море. 3. Древнегреческий драматург. 4. Экваториальное созвездие. 6. Женская верхняя одежда. 7. Сорт кофе. 10. Главный член предложения. 12. Камера для глубоководных работ. 13. Азбука старославянского языка. 15. Небольшое судно. 17. Город в Югославии. 18. Река в США. 19. Футляр для хранения ручек, карандашей, перьев. 23. Химический элемент. 26. Пушной зверек. 27. Лиственное дерево, кустарник. 28. Действующее лицо оперы П. И. Чайковского «Пиковая дама». 29. Сумма или разность двух алгебраических выражений. 30. Приморский курорт в Польше.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 1

По горизонтали: 5. Форель. 6. Диоген. 9. Викторина. 10. Колба. 12. Фагот. 14. «Набег». 16. Неврев. 18. Кафтан. 19. Сахалин. 22. Солоха. 23. Кратер. 24. Лоток. 26. Салат. 28. Драга. 29. Атмосфера. 30. Казбич. 31. Чирков.

По вертикали: 1. Волнорез. 2. Слива. 3. Жираф. 4. Ректорат. 7. Акын. 8. Ринг. 11. Баркарола. 13. Амфитеатр. 15. Базальт. 17. Висла. 18. Канск. 20. Мопассан. 21. Бергамот. 24. Лама. 25. Крем. 27. Тацит. 28. Дания.

На первой странице обложки: Сын оленевода Осип Долган из совхоза «Полярная звезда» на Камчатке.

Фото Н. Козловского.

На последней странице обложки: Кадры из цветного художественного фильма «Чиполлино».

Фото П. Колесникова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, Д. Г. БОЛЬШОВ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Н. Б. ПАСТУХОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

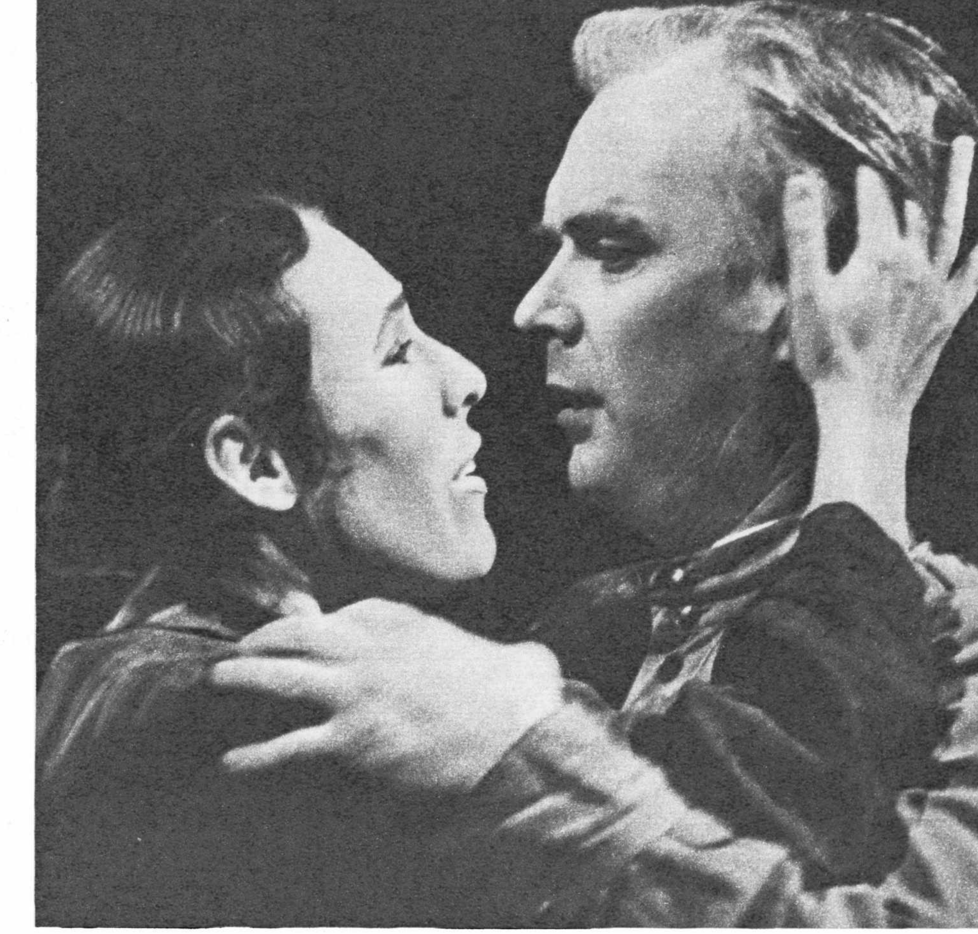
Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 17/XII-73 г. А 00180. Подп. к печ. 2/I-74 г. Формат 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 193. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 1577.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Любовь Попова — Даша и заслуженный артист БАССР Анатолий Гааз — Глеб в спектакле «Цемент».

НА СЦЕНЕ — НАРОДНЫЕ ТЕАТРЫ

Л. ЛУКЬЯНОВА. Фото А. БОЧИНИНА.

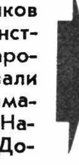
— Я очень давно на любительской сцене. Двадцать три года — в Народном театре города Октябрьский, и вот уже восемь лет — в коллективе Новороссийского народного театра,— рассказывает Анатолий Вильгельмович Гааз, заслуженный артист Башкирской АССР. Коллектив новороссийцев стал лауреатом Всероссийского смотра сельской художественной самодеятельности, посвященного 50-летию образования СССР.

Заключительный показ спектаклей — лауреатов смотра прошел в Москве с большим успехом. Много одаренных людей показали здесь свои сценические работы, и каждая из них была своеобразна, ярка и, безусловно, талантлива. Но даже и среди такого множества талантов запоминается Анатолий Гааз, вдохновенно исполнивший роль Глеба Чумалова в спектакле «Цемент» по роману Ф. Гладкова.

Гааз говорит, что театр — увлечение, которому отдана вся жизнь. Но какой смысл вкладывает он в эти слова?

Я смотрела спектакли Всероссийского смотра, и почти каждый из них помогал мне ответить на этот вопрос. Потому что театр всегда больше, чем просто увлечение. Суть театра — правда. А это значит, что материал, из которого актер «строит» образ, — его сердце. Артист ведь не только повторяет слова автора, но и впрямую говорит со зрителем. А для этого, разумеется, нужно быть личностью. Со своим пониманием добра и зла, со своими критериями прекрасного...

В заключительном показе в Москве участвовали многие национальные коллективы, в том числе — североосетинский и татарский, бурятский и удмуртский... Были здесь и народные театры из самых дальних уголков нашей страны. Они продемонстрировали многогранность дарований исполнителей, порадовали оригинальным прочтением драматургии. Вот, к примеру, Народный театр сельского До-

«Девятая симфония». Токарь Владимир Рождественский играет Николая Островского.

ма культуры из деревни Большая Атня — один из старейших не только в Татарии, но и во всей стране (он существует с 1918 года). В Москве атнинцы показали спектакль «Тополек мой в красной косынке» по повести Ч. Айтматова. Сложная даже для профессионального театра пьеса сыграна в простой, строгой манере. Главной стала в этом спектакле тема добра, тема правды — той, которую нельзя переиначить, «приспособить» в угоду себе, своим эгоистическим интересам...

Об ответственности человека перед людьми, перед своей совестью рассказал в «Рабочей хронике», поставленной по пьесе Б. Черенева, Петровский народный театр Саратовской области. Глубоко поверив в жизненность конфликта пьесы, театр сумел избежать назидательности в трактовке образов героев — Егора, Федора, Горелова-отца...

Пьесу молдавского драматурга Иона Друцэ «Птицы нашей молодости» мы смотрели в интересном решении Выборгского народного театра. Ему еще нет пятнадцати лет. Но работу молодого коллектива отличает творческая зрелость, сказывающаяся и в выборе репертуара. На его афише пьесы Островского, Горького, Маяковского. Сейчас к постановке готовится «Тартюф» Мольера.

Декада завершилась спектаклем Ливненского народного театра Орловской области. Пьеса Ю. Принцева «Девятая симфония» рассказывает об одном из самых талантливых, самых ярких людей нашей истории — Николае Островском. Спектакль, однако же, не повторяет прежних решений. Режиссерская работа — во многом новаторская, подчеркнуто театрализованная. Но общий успех решает исполнитель главной роли. Островский, сыгранный токарем Владимиром Рождественским, предстал перед нами живым, порывистым, прекрасным человеком, истинным представителем революционного народа...

И тут театру тоже отдано главное. Отдана бесконечная привязанность, лучшие силы души человеческой.

«Тополек мой в красной косынке». Центральный образ спектакля — Асель создает Завгария Хайруллина.

Сцена из спектакля «Рабочая хроника».

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663

